

Присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ Приамурья, Сахалина и Уссурийскаго края.

(Окончаніе ¹⁾).

ГЛАВА V.

Дипломатическія сношенія съ Китаемъ. — Наша нота въ трибуналъ 1853 года. — Предоставленіе Муравьеву вести непосредственныя сношенія съ китайскимъ правительствомъ. — Ургинская разграничительная комсія и ея переговоры съ кяхтинскимъ градоначальникомъ. — Записка Ребиндера. — Высочайшая директива о необходимости для Россіи владѣть лѣвымъ берегомъ Амура. — Переговоры въ Маринскѣ. — Первая мысль о заселеніи Амура казаками. — Отношеніе къ этой мысли петербургской дипломатіи. — Перемены въ личномъ составѣ правительства. — Взглядъ Императора Александра II на амурскій вопросъ. — Посольство гр. Путятина и мнѣніе по этому поводу Муравьева. — Прибытіе гр. Путятина въ Кяхту. — Мѣры Муравьева для поддержанія престижа посольства. — Отъѣздъ гр. Путятина изъ Кяхты въ Печелійскій заливъ. — Путятинъ въ устьѣ Нейхо. — Полная неудача посольства въ отношеніи амурскаго вопроса. — Тяньцзинскій трактатъ. — Переговоры въ Айгунѣ. — Тактика Муравьева по отношенію къ китайскимъ уполномоченнымъ. — Заключеніе трактата 16 мая 1858 года. — Муравьевъ — графъ Амурскій. — Его знаменательное письмо Ковалевскому. — Планъ гр. Муравьева о производствѣ на Амурѣ ряда работъ: по усиленію обороны устьевъ рѣки, по созданію опорныхъ точекъ на среднемъ и нижнемъ теченіи, по устройству гавани въ Николаевскѣ, по занятію и укрѣпленію Де-Кастри, по урегулированію судоходства на Ингодѣ, Шплкѣ и Амурѣ. — Заключеніе по этому плану гр. Путятина и сужденія Сибирскаго комитета. — Поселеніе на Амурѣ забайкальскихъ казаковъ. — Первые станицы. — Образованію Амурскаго казачьяго войска. — Казаки на Уссуріи и условія ихъ водворенія. — Положеніе объ Амурскомъ казачьемъ войскѣ. — Штабъ-квартиры регулярныхъ войскъ. — Возбужденіе вопроса о точномъ установленіи границъ въ Уссурийскомъ краѣ. — Посольство Игнатьева. — Его прибытіе въ Пекинъ и переговоры. — Мѣропріятія гр. Муравьева демонстративнаго характера. — Засѣданіе Амурскаго комитета въ Высочайшемъ присутствіи. — Заключеніе Пекинскаго договора 2 ноябрия 1860 года.

Приморская область была организована еще въ то время, когда вопросъ о разграниченіи нашихъ и китайскихъ владѣній въ Восточной Сибири былъ далеко отъ окончательнаго разрѣшенія. По этому поводу велись дипломатическія сношенія.

¹⁾ См. «Воен. Сборн.» № 11

Еще въ 1853 году, когда Невельской, какъ говорится, изъ кожи лѣзь, чтобы доказать неотъемлемую по Нерчинскому трактату принадлежность Россіи низовій Амура и Уссурійскаго края, когда фактъ этотъ онъ устанавливалъ не только теоретически, но и практически, путемъ занятія военными постами все новыхъ и новыхъ пунктовъ, когда Муравьевъ пошелъ уже и дальше, настаивая на необходимости закрѣпленія за Россіей всего лѣваго берега Амура отъ Усть-Стрѣлки до Великаго океана,—въ это самое время, 16 іюня 1853 года, отъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ полетѣла въ Пекинъ дипломатическая нота удивительнаго содержания: въ ней восточному, приморскому, району присвоивалось значеніе второстепенное, ею лишь просили китайцевъ сообразовать высылкою уполномоченныхъ для установки пограничныхъ знаковъ въ западной части Восточной Сибири, у верховьевъ рѣки Горбицы. Этою нотою китайцамъ предоставили прекрасную и вмѣстѣ съ тѣмъ твердую почву для борьбы съ настояніями сибирскихъ властей. Китайцы, конечно, съ удовольствіемъ пошли на встрѣчу желаніямъ нашей дипломатіи, желаніямъ, шедшимъ въ разрѣзъ съ русскими интересами. Благополучное разрѣшеніе вопроса было заторможено прочно и надолго. Горько сѣтовалъ на эту ноту Муравьевъ и сѣтовалъ не одинъ годъ. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Великому Князю Константину Николаевичу онъ говоритъ даже, что счелъ своимъ долгомъ представить Государю Императору, въ собственныя руки, секретную записку, «въ которой не могъ скрыть затрудненій, возникающихъ отъ извѣстнаго листа изъ нашего сената въ китайскій трибуналъ 16 іюня 1853 года; *недобросовѣстность этого документа очевидна, и цѣль министерства иностранныхъ дѣлъ вполне достигнута*» (курс мой).

Идя на встрѣчу пожеланіямъ, выраженнымъ нашею дипломатіею въ 1853 году, пекинскій трибуналъ отвѣтилъ, что распоряженіе о высылкѣ чиновниковъ, пока въ Ургу, сдѣлано. «Но—значилось далѣе въ отвѣтномъ листѣ—вашъ генераль-губернаторъ, для защиты отъ нападенія англійскаго флота, занялъ на рѣкѣ Сунгари (читай—Амурѣ) отъ моря нѣсколько городовъ и нѣсколько селеній, издавна платящихъ дань нашему государю. Муравьевъ вовсе не заботится о поддержаніи двухсотлѣтняго дружественнаго согласія и твердаго мира, и потому просимъ вразумить Муравьева».

Само собою разумѣется, Муравьевъ не могъ не усмотрѣть въ такомъ оборотѣ вопроса увѣренности китайцевъ, что дѣйствія его,

генераль-губернатора, являются самовольными и расходящимися со взглядами высшаго русскаго правительства. Оставлять трибуналъ въ такой увѣренности, по его мнѣнію, было невозможно, какъ не представлялось соотвѣтственнымъ интересамъ дѣла и отстраненіе мѣстной сибирской власти отъ веденія переговоровъ съ Китаемъ и тѣмъ болѣе при тогдашней обстановкѣ. Внутри Китая шло сильное броженіе; внутреннія смуты грозили переменѣй династии; страна, незадолго передъ тѣмъ закончившая войну съ англо-французами, была наканунѣ новой войны съ ними же. Всѣмъ этимъ можно было воспользоваться въ нашихъ интересахъ, воспользоваться въ удобную минуту, а учесть выгодный моментъ было гораздо легче на границахъ Китая, чѣмъ за тридевять земель отъ него. И вотъ, Муравьевъ подаетъ въ январѣ 1854 г. въ Амурскій комитетъ, состоявшій тогда подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича, записку, въ которой проситъ «сообщить изъ нашего сената въ трибуналъ внѣшнихъ сношеній для свѣдѣнія, что, по отдаленности и настоящимъ смутнымъ обстоятельствамъ въ Китаѣ, предоставлено именно генераль-губернатору Восточной Сибири входить въ сношенія въ нужныхъ случаяхъ съ симъ трибуналомъ». При этомъ Муравьевъ думалъ установить такой порядокъ: по предметамъ, не терпящимъ отлагательства, онъ можетъ сноситься съ Китаемъ «по усмотрѣнію», доводя о важнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ до свѣдѣнія министерства иностранныхъ дѣлъ для доклада Государю Императору; по предметамъ особой важности, но не весьма спѣшнымъ, онъ обязанъ представлять въ то же министерство, на Высочайшее утвержденіе, проекты нотъ; наконецъ, по всѣмъ прочимъ дѣламъ генераль-губернатору сообщаются Высочайшія повелѣнія. Результатомъ разсмотрѣнія записки Муравьева, въ общемъ одобренной, явился «листъ» въ трибуналъ отъ 6 февраля 1854 года, въ которомъ, между прочимъ, было изложено: «Такъ какъ..... ходъ обстоятельствъ можетъ потребовать скорѣйшихъ сношеній съ вашимъ правительствомъ, то помянутому генераль-губернатору, по Высочайшей волѣ всемилостивѣйшаго нашего Государя Императора, разрѣшено: въ потребныхъ случаяхъ непосредственно сноситься съ трибуналомъ внѣшнихъ сношеній». При этомъ Муравьеву было преподано наставленіе: «Пользы Россіи указываютъ воздержаться отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла китайскія и ожидать, чѣмъ кончится настоящій переворотъ, не упуская только изъ вида интересовъ нашихъ и, буде можно, пользуясь съ умѣніемъ и осторожностью нынѣшними обстоятель-

ствами Китайской имперіи, чтобъ поставить себя въ сколь возможно *выгодное* (курс. подл.) положеніе, обезопасить и утвердить наши границы и т. п., не расторгая давнихъ связей съ китайскимъ государствомъ, связей, полезныхъ какъ въ политическомъ, такъ и въ торговомъ отношеніи».

Муравьевъ еще былъ въ Петербургѣ, когда сибирское начальство освѣдомилось, что въ Ургѣ собрана особая китайская комисія по вопросу о нашихъ съ Китаемъ границахъ и что ей велѣно, не задерживаясь, ѣхать въ Кяхту и окончить дѣло елико возможно «дружелюбно». Кяхтинскому градоначальнику, Ребиндеру, замѣнявшій на мѣстѣ Муравьева, генераль Венцель, предложилъ, чтобы онъ «далъ понять» китайцамъ, «что намъ необходимъ весь лѣвый берегъ Амура до манчжурскаго пограничнаго селенія Мелки (на правомъ берегу рѣки ниже устья Уссури), а какъ туда далѣе Амуръ протекаетъ по землямъ, гдѣ проживаютъ племена независимыя отъ Китая, то потому объ этомъ, независимомъ отъ нихъ, пространствѣ и нѣтъ никакихъ основаній имъ вступать съ нами въ сношенія». Объ этомъ было сообщено съ мѣста и въ министерство иностранныхъ дѣлъ, которое, не касаясь вопроса по существу, отвѣтило, что переговоры о границахъ предоставлено вести Муравьеву. Также оставила наша дипломатія безъ разсмотрѣнія и представленіе кяхтинскаго градоначальника о томъ, что, по его свѣдѣніямъ, хотя китайцы и считаютъ Даурію (нынѣшнюю Амурскую область) своею, но «весьма встревожены слухами о намѣреніяхъ рыжихъ европейцевъ («подъ симъ общимъ названіемъ они смѣшиваютъ, кажется, англичанъ и американцевъ») завладѣть землями, лежащими къ сѣверу отъ Манчуріи и проникнуть съ вооруженными судами въ Амуръ». Желаніе Россіи—имѣть границу по Амуру—собственно манчжурскія власти, почитающія Даурію пустыней, по слухамъ, находятъ скромнымъ.

Въ мартѣ 1854 г. ургинская комисія сообщила Ребиндеру, что опредѣленіе нашихъ съ Китаемъ границъ необходимо отложить до открытія навигаціи и что китайскіе уполномоченные—амурскій и гириискій дзянь-дзюни—«по дружеской связи» явятся къ тому времени на р. Горбицу.

Освѣдомившись о такомъ увѣдомленіи только лѣтомъ, въ бытность свою въ Николаевскѣ, усматривая, надо полагать, въ словахъ «по дружеской связи» намекъ китайцевъ на выполненіе ими пожеланія, выраженнаго въ русской нотѣ 1853 г., и признавая вопросъ о пограничныхъ знакахъ на Горбицѣ—вопросомъ вздорнымъ, Му-

равьевъ пока что отвѣтилъ, что теперь де не время переговариваться, что теперь идетъ война.

Муравьеву и дѣйствительно было тогда не до переговоровъ, въ особенности на той зыбкой почвѣ, на которую поставила Амурскій вопросъ несельеродовская дипломатія. Эта почва не могла не повести къ ряду недоразумѣній и къ непронизводительной потерѣ времени, а свободнаго времени у Муравьева не было. Тогда амурскимъ вопросомъ занялся болѣе свободный человекъ, единомышленникъ Муравьева—кяхтинскій градоначальникъ Ребиндеръ. Онъ представилъ въ Петербургъ обширную записку, записку, которая, по заголовку своему, касалась дѣла, непосредственно входившаго въ кругъ его служебныхъ обязанностей—кяхтинской торговли. Однако, подъ этимъ умѣло поднятымъ флагомъ, онъ повелъ рѣчь о необходимости обладанія лѣвымъ берегомъ Амура, выставляя такіе мотивы сказанной необходимости: пока русскія суда не будутъ свободно плавать по Амуру—намъ не удержать укрѣпленнаго положенія въ устьѣ рѣки; если входъ въ Амуръ будетъ открытъ для всѣхъ—первыми придутъ въ рѣку англичане, займутъ ее, будутъ держать Манчжурію въ своихъ рукахъ и черезъ манчжуръ вредить Россіи; съ обладаніемъ Амуромъ связано обладаніе Сахалиномъ и его богатствами—каменнымъ углемъ и селедочнымъ тукомъ; наконецъ, китайцы несомнѣнно согласятся предоставить намъ и лѣвый берегъ Амура и свободу плаванія по рѣкѣ.

Записка Ребиндера была въ общемъ одобрена Государемъ Императоромъ и передана Великому Князю Константину Николаевичу, который вошелъ по существу ея въ сношеніе съ государственнымъ канцлеромъ графомъ Нессельроде. Въ отвѣтъ графа, между прочимъ, читаемъ: «Сомнительно, мнѣ кажется, чтобы китайцы добровольно согласились уступить намъ все огромное пространство, составляющее лѣвый берегъ Амура, не получая ничего съ нашей стороны взамѣнъ такой уступки». Впрочемъ—висаль онъ—пусть де стараются Муравьевъ.

Великій Князь доложилъ Царю лично, а 4 іюня 1855 года увѣдомилъ Муравьева, что Государь Императоръ «соизволилъ признать необходимымъ, въ видахъ успѣшнаго и быстраго развитія благосостоянія Сибирскаго края, *утвердить за Россіей весь лѣвый берегъ Амура и получить право свободной торговли въ сѣверныхъ областяхъ Китайской имперіи*» (курс. подл.). Посему Его Величество предоставляетъ Муравьеву войти въ соотвѣтственные переговоры «для достиженія спихъ двухъ цѣлей посредствомъ

миролюбивыхъ соглашеній, и не щадя необходимыхъ, по китайскимъ обычаямъ, издержекъ, чтобы расположить китайскихъ государственныхъ мужей въ пользу просвѣщенія и обоюднаго блага».

Итакъ, съ высоты Престола амурскій вопросъ былъ поставленъ на путь твердый, правильный и въполнѣ отвѣчающій жгучимъ нуждамъ Сибири. Конечно, Муравьевъ съ благоговѣніемъ принялъ къ руководству такую Высочайшую директиву. Но иначе къ этому отнеслись наши дипломаты. Даже послѣ столь категорическаго повелѣнія, именно 25 февраля слѣдующаго 1856 года, управлявшій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, тайный совѣтникъ Сенявинъ, не отрицая пользы плаванія русскихъ судовъ по Амуру, писалъ: «что же касается до требованія, чтобы китайцы уступили намъ огромное пространство земли, находящееся между Становымъ хребтомъ и лѣвымъ берегомъ Амура, то я нахожу сіе *преждевременнымъ, неудобисполнимымъ и не представляющимъ даже особенныхъ, необходимыхъ для насъ выгодъ*» (курс. мой).

Когда въ 1855 году Муравьевъ спускался по Амуру, онъ встрѣтилъ у р. Кумары четыре большія манчжурскія лодки, поднимавшіяся по рѣкѣ къ устью Горбицы для постановки совмѣстно съ нашими уполномоченными пограничныхъ знаковъ въ глубинѣ нынѣшней нашей территоріи. Но такъ какъ еще 28 апрѣля того года генераль-губернаторъ Восточной Сибири направилъ въ Пекинъ «листъ» съ предложеніемъ выслать уполномоченныхъ для переговоровъ къ устью Амура, то онъ и пригласилъ повстрѣчавшихся ему китайцевъ идти въ Маріинскъ, на что они, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, согласились.

Маленькая конференція открылась въ Маріинскѣ только въ концѣ лѣта. Китайскимъ уполномоченнымъ — Дзир-га-шаню, Фунян-гу, Хой-ли-ню и Ул-дзи, и монгольскимъ сановникамъ — Батуцынгелу, Идамродзи и Батуджиргалу, Муравьевъ прежде всего вручилъ письменно изложенную имъ «мысль», подъ заголовкомъ «Соображенія и виды Россіи». Въ этой запискѣ онъ излагалъ, что въ стародавнія времена наши съ Китаемъ трактаты касались огражденія границъ отъ разбойничьихъ шаекъ и что въ нихъ совершенно не имѣлись въ виду иностранцы, которые были далеко. Россія — писалъ онъ далѣе — «желая сохранить дружескія свои отношенія съ Китаемъ, сняла даже посты, находившіяся въ то время по лѣвому и правому берегамъ рѣки Сахалянъ-ула (Амура), и хотя плаваніе по этой рѣкѣ не воспрещалось русскимъ судамъ, но, желая возбуждать опасенія Китая, правительство, не имѣя

тогда надобности, имъ не пользовалось». За 200 лѣтъ обстановка измѣнилась: Англія проявляетъ явныя стремленія къ захвату береговъ Великаго океана, мы принимаемъ противъ этого мѣры и сосредоточили въ Сибири свыше 100.000 войска, въ Китаѣ идутъ внутреннія смуты, «произведенныя, конечно, тѣми же иностранцами». Повторяя свои соображенія о нашихъ сплавахъ, изложенныя въ «листѣ» отъ 30 октября 1854 г., о которомъ въ своемъ мѣстѣ уже было сказано, Муравьевъ утверждалъ, что такіе сплавы вовсе не являются нарушеніемъ державныхъ правъ Китая. Эти сплавы позволили намъ сосредоточить въ устьяхъ Амура сильное войско, возвести прочныя укрѣпленія и принять необходимыя мѣры противъ вторженія въ рѣку непріятеля. Безъ такихъ мѣръ иностранныя суда проникли бы въ глубь Китая, какъ они проникнуть туда и въ томъ случаѣ, если нашихъ укрѣпленій и гарнизоновъ на устьѣ не будетъ. Посему сказанныя укрѣпленія и гарнизоны должны существовать постоянно, для этого намъ нуженъ путь сообщенія по Амуру и устройство по лѣвому берегу рѣки станцій и тѣмъ болѣе потому, что «сообщеніе горами, но всѣмъ изслѣдованіямъ, совершенно невозможно ни зимой, ни лѣтомъ». Все это указываетъ де, что между Россіей и Китаемъ Амуръ «представляетъ самую естественную и безспорную границу», и что утвержденіе ея устранить въ будущемъ всякія недоразумѣнія. Россія заботится не о расширеніи своей, и безъ того громадной, территоріи: она должна принять мѣры къ защитѣ Сибири отъ иностранцевъ, и мѣры сіи обоюдно выгодны и для русскихъ, и для китайцевъ.

На совѣщаніи 11 сентября китайскіе уполномоченные, ознакомившіеся съ запиской Муравьева, какъ и слѣдовало ожидать, заявили, что они знаютъ лишь нашу дипломатическую ноту 1853 года, въ которой говорилось о постановкѣ пограничныхъ знаковъ у верховьевъ р. Горбицы, и что ничего другого они больше и знать не хотятъ. При дальнѣйшихъ же переговорахъ, при которыхъ Муравьевъ какъ будто носелъ даже на компромисъ—соглашаясь на проведеніе границы по Амуру отъ Усть-Стрѣлки до моря, съ оставленіемъ, значить, Уссурійскаго края подъ властью Китая—китайскіе сановники, не отрицая въ общемъ взгляда на Амуръ, какъ на естественную границу, уклонились отъ какого-либо рѣшенія, ссылаясь на неимѣніе соотвѣтственныхъ полномочій. Указавъ затѣмъ, «что они чрезвычайно спѣшатъ отплыть обратно, чтобы не замерзнуть въ рѣкѣ», китайцы покинули Маріинскъ. Амурскій же вопросъ не подвинулся впередъ ни на шагъ.

Не подвинулся онъ и при полученіи въ Петербургѣ, въ сенатѣ, извѣщенія гиринскаго дзянь-дзюня, жаловавшагося, что Муравьевъ сдѣлалъ въ Маріинскѣ китайскимъ уполномоченнымъ такія предложенія, «которыя они не смѣютъ показать своему правительству». Жалобу эту переслали Муравьеву, а онъ отвѣтилъ дзянь-дзюню, что, вскрывъ его [пакетъ по предоставленному [генераль-губернатору праву, онъ самъ не рѣшился показать столь неосновательный документъ русскому сенату ¹⁾).

Однако, не въ однихъ дипломатическихъ переговорахъ видѣлъ Муравьевъ средство для полученія лѣваго берега Амура. Тактика Невельскаго—занятіе желанныхъ мѣстъ русскими военными постами—никогда не была чужда и самому Муравьеву. Еще въ самомъ началѣ 1855 г. онъ обратился къ военному министру, князю Долгорукову—преемнику и единомышленнику князя Чернышева—съ ходатайствомъ объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на заселеніе лѣваго берега Амура забайкальскими казаками съ открытіемъ навигаціи 1856 г. Необходимость спѣшнаго осуществленія этой мѣры онъ пояснялъ тѣмъ, что «всѣми, воспослѣдовавшими уже по волѣ блаженныя памяти въ Бозѣ почившаго Государя Императора Николая Павловича, распоряженіями, мы положительно упрочиваемся на Амурѣ, и такъ какъ возложенныя на меня переговоры о разграниченіи тѣхъ мѣстъ съ Китаемъ, по нѣкоторымъ недоразумѣніямъ и свойственной китайскому правительству во всѣхъ дѣлахъ медлительности, могутъ еще долго не состояться, а между тѣмъ установленіе прочнаго сообщенія по Амуру, на устьяхъ котораго съ мая мѣсяца нынѣшняго года будутъ находиться значительныя сухопутныя и морскія наши силы—есть первою необходимостью». Къ этому Муравьевъ прибавлялъ, что, отправляя второй амурскій сплавъ, онъ предполагаетъ оставить у устья Буреи сотню казаковъ, поставивъ имъ цѣль—«обозрѣніе мѣстности для поселенія тамъ значительныхъ казачьихъ силъ».

Князь Долгоруковъ, вѣрный завѣтамъ своего предшественника и толкованіямъ Нерчинскаго трактата по способу гр. Нессельроде, представлялъ по этому поводу Государю, «что предназначаемыя генераль-лейтенантомъ Муравьевымъ мѣста для поселенія полка находятся внѣ умственной границы нашей съ Китаемъ, проходя-

¹⁾ Государ. арх., аз. д-тъ, № 7/70, записка Муравьева 22-го января 1854 г. и журн. Амур. ком. и № 6/69, лл. 10—43, 45—48, 50—55, 68, 69, 112—115, 118, 168—175, 266—273; Морск. арх., канц., № 14,839, лл. 52, 75, 76; Бароуковъ, т. I: стр. 445 и т. II, стр. 128; Невельской, стр. 337, 375, 381.

щей по хребту горъ и даже, какъ можно полагать, внѣ той границы, каковую въ 1853 году Высочайше повелѣно было показывать на картахъ, что хотя поселеніе полка на означенныхъ мѣстахъ было бы желательно, но тѣмъ не менѣе можетъ представиться опасеніе, дабы это поселеніе не породило какихъ-либо неблагопріятныхъ въ будущемъ времени послѣдствій по сношеніямъ нашимъ съ Китаемъ, при производящихся еще съ китайскимъ правительствомъ переговоровъ о разграниченіи упомянутой мѣстности и что, вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, возбуждается вопросъ: возможно и удобно ли будетъ произвести нынѣ же поселеніе казаковъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ полагаетъ генераль-лейтенантъ Муравьевъ?» Государь Императоръ повелѣлъ дѣло разсмотрѣть въ особомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго генераль-адмирала.

До созванія комитета, Великій Князь Константинъ Николаевичъ затребовалъ заключеніе по дѣлу отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а управлявшій въ то время этимъ министерствомъ, тайный совѣтникъ Сенявинъ больше всего обрушился на Муравьева за его намѣреніе поселить сотню казаковъ у устья Буреи, находя эту мѣру, кстати, какъ мы видѣли, не осуществленную, явнымъ нарушеніемъ державныхъ правъ Китая. По общему же вопросу онъ уклонился отъ выраженія категорическаго мнѣнія. «Имѣя въ виду— писалъ Сенявинъ—что нами заняты уже, безъ всякихъ съ китайцами предварительныхъ объясненій, нѣсколько пунктовъ не только при устьяхъ Амура, но и гораздо южнѣе оныхъ, я не могу не сознать, что разрѣшеніе настоящаго вопроса должно быть болѣе подчинено соображеніямъ *военнымъ*, чѣмъ *политическимъ* (курсивъ подл.). По моему мнѣнію, успѣхъ всякой предпринимаемой мѣры зависитъ отъ предусмотрительности распоряженій, обезпечивающихъ достиженіе цѣли. Такимъ образомъ, и въ настоящемъ дѣлѣ занятіе устья Буреи есть ничто иное, какъ послѣдствіе принятой системы дѣйствій на устьяхъ Амура, и при сосредоточеніи тамъ нынѣ оборонительныхъ ередствъ всякаго рода, не можетъ, кажется, подлежать сомнѣнію, что необходимо установить вѣрное и наиболѣе удобное сообщеніе между Сибирью и тѣми отдаленными мѣстами, которыя нами заняты на сѣверъ и на югъ отъ устья Амура. Въ сихъ видахъ занятіе нѣкоторыхъ пунктовъ на самой рѣкѣ Амурѣ оказывается уже дѣломъ почти необходимымъ, несмотря на то, что рано или поздно подобная мѣра можетъ подать поводъ къ столкновеніямъ съ китайскимъ правительствомъ».

Особый комитетъ призналъ, что «въ настоящее время, когда политическое положеніе Европы еще не опредѣлилось, и всеобщее раздраженіе, возбужденное кровопролитной войной, еще сильно»—торопиться съ заселеніемъ Амура казаками не слѣдуетъ, и мѣру эту представлялось бы болѣе правильнымъ отложить хотя бы до весны 1858 года. Амурскій же комитетъ, въ который было внесено заключеніе комитета Августѣйшаго генераль-адмирала, учелъ совершенно новое обстоятельство—назрѣвавшее рѣшеніе направить въ Пекинъ специальное по амурскому дѣлу посольство. «Нѣтъ сомнѣнія—говорится въ журналѣ комитета—что занятіе русскими военными поселеніями части китайскихъ земель въ то самое время, когда о нихъ будетъ возбужденъ вопросъ нашимъ правительствомъ въ Пекинѣ, не можетъ не отразиться на самые переговоры и не имѣть на нихъ самага вреднаго вліянія». Посольство должно быть миролюбиваго характера—это прежде всего. Если оно увѣнчается успѣхомъ—проектируемая мѣра можетъ быть оговорена въ трактатѣ. Если же «по неопредѣленности восточной политики» нашего посольства въ Пекинѣ даже не примутъ, тогда Амуръ можно будетъ занять именно по этой причинѣ и такая мѣра сохранить «видъ закопной необходимости». На основаніи такихъ соображеній, Амурскій комитетъ постановилъ съ поселеніемъ казаковъ приостановиться до окончанія переговоровъ нашего посла съ трибуналомъ или до принятія этими переговорами характера опредѣленности.

Въ 1856 году въ высшихъ правительственныхъ сферахъ произошли перемѣны, существенно отразившіяся на амурскихъ дѣлахъ. Графа Нессельроде замѣнилъ князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, директора азіатскаго департамента Сенявина—генераль-маіоръ Егоръ Петровичъ Ковалевскій, военнаго министра князя Долгорукова—Николай Онуфріевичъ Сухазанетъ. Въ томъ же году Великій Князь Константинъ Николаевичъ поставилъ пашу дипломатію въ извѣстность о мнѣніи Императора Александра II, «что для пользы Сибирскаго края намъ необходимо или нынѣ, или черезъ нѣсколько времени получить отъ китайцевъ совершенную уступку всего лѣваго берега Амура и приморскаго берега до Императорской гавани включительно». Слѣдствіемъ же этого явилось подтвержденіе полномочій Муравьева вести сношенія съ Китаемъ, оповѣщеніе о томъ пекинскаго трибунала и просьба къ послѣднему «давать при предстоящихъ переговорахъ полную вѣру словамъ помянутаго генерала Муравьева, яко лица, облечен-

наго всею довѣренностью и полномочіемъ отъ своего правительства»¹⁾).

Несмотря на такое вполне определенное рѣшеніе—предоставить амурскій вопросъ попеченію генералъ-губернатора Восточной Сибири — въ февралѣ 1857 года, стараніями нашихъ дипломатическихъ чиновниковъ старой школы, весьма не долюбивавшихъ Муравьева, было достигнуто нерерѣшеніе: было повелѣно, согласно прежнимъ предположеніямъ, отправить въ Пекинъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посланника, адмирала Путятина, возведеннаго, послѣ его посольства въ Японію, въ графское достоинство. Правда, въ задачу Путятина входило, между прочимъ, отстаиваніе притязаній Россіи на открытіе для русскихъ судовъ нѣкоторыхъ китайскихъ портовъ, подлежавшихъ открытію для иностранцевъ, но кардинальной его миссіей являлось все же рѣшеніе именно амурскаго вопроса въ духѣ желанія Государя.

Выборъ для такого дѣла гр. Путятина далеко не былъ изъ особенно удачныхъ. Графъ никогда не былъ сторонникомъ нашего водворенія на Амурѣ и всегда былъ склоненъ раздѣлять въ этомъ отношеніи взгляды нессельродовской дипломатіи. По свидѣтельству Шумахера, еще въ 1853 году капитанъ-лейтенантъ Римскій-Корсаковъ, прибывшій на шхунѣ «Востокъ» изъ Японіи въ Петровское, объявилъ, что Путятинъ «рѣшительно противъ всякихъ занятій на материкѣ, противъ всякихъ видовъ на Амуръ; запретилъ ему, Римскому-Корсакову, входить въ эту рѣку... Вліяніе графа Нессельроде было явное». Тяжелое путешествіе графа по Амуру еще болѣе повліяло на его личные взгляды по отношенію къ амурскому дѣлу и, конечно, повліяло отрицательно. Врученіе же вопроса человѣку, несочувственно къ нему относившемуся, не обѣщало ничего хорошаго. Такъ понималъ дѣло и Муравьевъ, писавшій по этому поводу Корсакову: *«Жаль, что (Путятинъ) вмѣшался въ амурскія дѣла (курс. подл.), которымъ можетъ и повредить»*. Кроме того, онъ доносилъ Великому Князю Константину Николаевичу, что весьма сомнѣвается въ успѣшности переговоровъ графа и главнымъ образомъ потому, что «заключеніе этого трактата весьма сомнительно по извѣстному упрямству китайцевъ, а быть можетъ и по расчету ихъ уступать намъ негласно, чтобы другіе не требовали такихъ же уступокъ». Но относясь несочувственно къ посольству Путятина, относясь къ нему такъ исключительно

¹⁾ Государ. арх., аз. д-тъ, № 40—журналы Амур. ком. и № 6/69, лл. 82—90, 95—97, 275, 281—284.

по соображеніямъ высшаго порядка, генераль-губернаторъ не только не принялъ политики вставливанія палокъ въ колеса, но совершенно обратно—стремился сдѣлать все, да, пожалуй, и сдѣлалъ все возможное для облегченія задачи посольства.

Какъ только вѣсть о выѣздѣ Путятина въ Кяхту дошла до Иркутска, Муравьевъ тотчасъ же приказалъ сдѣлать всѣ приготовленія для возможно торжественнаго приема графа на мѣстѣ. «Чѣмъ болѣе будетъ при встрѣчѣ Путятина грома пышности—писалъ онъ Корсакову—тѣмъ больше это будетъ имѣть впечатлѣнія на нашихъ глупыхъ сосѣдей». Принялъ онъ и болѣе существенныя мѣры, о которыхъ рѣчь будетъ впереди.

Гр. Путятинъ прибылъ въ Кяхту въ апрѣлѣ 1857 г. и тотчасъ же потребовалъ для себя пропускъ въ Пекинъ. Отвѣтъ пришелъ лишь въ концѣ мая, и въ этомъ отвѣтѣ сразу подтвердились опасенія Муравьева. Китайскіе сановники писали, что «у нихъ нѣтъ никакихъ особо важныхъ дѣлъ съ Россіей, для которыхъ стоило бы такой высокой особѣ, какъ посланникъ, предпринимать трудный и далекій путь». Путятинъ такого отвѣта не ожидалъ и растерялся. Его растерянность дошла до предложенія министру иностранныхъ дѣлъ отвѣтить на отказъ въ пріемъ посольства взятіемъ вооруженною силою Айгуна. Когда же такое предложеніе было отвергнуто и Путятину было указано ѣхать на Амуръ, Амуромъ въ море и моремъ въ Печелійскій заливъ, на нашу эскадру—онъ проектировалъ не настаивать на проведеніи пашей границы по Уссури, ограничиться границею по хребту Сихотэ-Алинь и уплатить Китаю за уступку части *его* территоріи 3—5 миліоновъ рублей серебромъ.

Какъ къ мѣрѣ существенной для поддержанія престижа нашего посольства, Муравьевъ прибѣгнулъ къ сосредоточенію на манчжурской границѣ значительнаго количества вооруженной силы, что не могло не повліять весьма внушительнымъ образомъ на правительство Китая, тщетно боровагося съ внутренними смутами и вновь втянутаго въ серьезную войну съ двумя такими сильными европейскими державами, какъ Англія и Франція. Еще въ февралѣ 1857 г. Муравьевъ писалъ князю А. М. Горчакову: «Неожиданныя событія въ Китаѣ и Шанхаѣ чрезвычайно упрощаютъ наше амурское дѣло, а послѣднія, наводящія большое сомнѣніе о долговременномъ продолженіи существованія нынѣшней китайской династіи, заставляютъ насъ даже поспѣшить утвердиться на Амурѣ». Для утвержденія же на этой рѣкѣ, онъ опять просилъ разрѣшенія занять ее казачьими поселками.

На сей разъ просьба генераль-губернатора была уважена, а 19-го марта послѣдовало Высочайшее соизволеніе на поселеніе въ предѣлахъ средняго Амура трехъ сотенъ забайкальскихъ казаковъ съ ихъ семействами. Но казаками Муравьевъ не ограничился. Въ маѣ онъ писалъ, между прочимъ, военному министру генералу Су-хазанету.

„Принимая во вниманіе, что при возникшей перепискѣ о приѣмѣ по-сольства нашего въ Пекинѣ и при тѣхъ справедливыхъ настояніяхъ, ко-торья сдѣлалъ посланникъ для достиженія этой цѣли, нужны нѣкоторыя мѣры предосторожности и настойчивости, я нашелъ необходимымъ, по соглашенію же съ графомъ Путитинымъ, сплавить по Амуру до города Сахалинъ-Ула-Хотокъ два линейныхъ баталіона съ дивизиономъ полевой артилеріи. Съ войсками этими отправится туда же и самъ посланникъ, если въ маѣ мѣсяцѣ не получитъ въ Кяхтѣ надлежащаго отвѣта отъ кит-айскаго правительства. Два баталіона эти съ артилеріей будутъ распо-ложены на лѣвомъ берегу Амура, недалеко отъ города Сахалинъ-Ула-Хотокъ, куда графъ Путитинъ намѣренъ послать еще послѣднее требо-ваніе о приѣмѣ посольства нашего въ Пекинѣ, и, въ случаѣ новаго от-каза, Путитинъ предполагаетъ уже отправиться къ устью Амура; отрядъ же нашъ останется на своемъ мѣстѣ для прикрытія и содѣйствія пере-селяющимся казакамъ въ устройствѣ ими своихъ жилищъ и пашенъ на лѣвомъ берегу рѣки, въ мѣстахъ, имъ предназначенныхъ. Важность всѣхъ этихъ обстоятельствъ заставляеть и меня отправиться вмѣстѣ съ графомъ Путитинымъ, дабы поддержать во всѣхъ случайностяхъ посольство наше личными своими распоряженіями, избѣгая всемирно неблагопріятныхъ столкновеній, ибо, оставляя безъ отвѣта столь долгое время листъ нашъ о посольствѣ, китайское правительство оказываетъ къ намъ явное пре-небреженіе и нарушаетъ трактатъ, о чемъ посланникъ и сообщилъ уже въ китайскій трибуналъ. А послѣ этого нельзя уже ожидать сохраненія прежняго съ Китаемъ дружелюбія и слѣдуетъ быть вездѣ, а въ особен-ности на Амурѣ, въ надлежащей готовности. Поселеніе же на лѣвомъ берегу Амура, по всему протяженію его, Амурскаго коннаго казачьяго полка необходимо безотлагательно, какъ фактъ занятія нами этого бе-рега, и для сей цѣли, равно какъ и для сообщеній нашихъ, будетъ до-статочно этого полка впредь до времени, когда разъяснятся всѣ обстоя-тельства относительно китайской имперіи и нашихъ съ нею отношеній“

Во второй половинѣ мая у устья Зеи сосредоточились 13-й и 14-й сибирскіе линейные баталіоны при двухъ горныхъ орудіяхъ и дивизионъ легкой артилеріи, а также нѣсколько канонерскихъ лодокъ; постепенно стали прибывать и три сотни казаковъ—451 семья. Всего же на границахъ Манчжуріи и Монголіи къ лѣту 1857 года было сосредоточено 16,000 пѣхоты, 5,000 конницы и 40 орудій, именно: линейные баталіоны №№ 13, 14, 15 и 16 (4 т.), 12 пѣшихъ казачьихъ баталіоновъ Забайкальскаго войска (12 т.), 6 конныхъ полковъ того же войска (5 т.), 8 батарейныхъ, 24 лег-кихъ и 8 горныхъ орудій.

Сосредоточивая такія силы, Муравьевъ былъ все-таки далекъ отъ мысли употребить ихъ въ качествѣ активнаго средства; въ своихъ войскахъ онъ видѣлъ внушительную угрозу китайцамъ и былъ увѣренъ, что для достиженія преслѣдуемой цѣли будетъ достаточно только этой угрозы. При такой же точкѣ зрѣнія онъ не былъ чуждъ заботъ по отношенію къ благовременному затушенію возможныхъ проявленій излишней воинственности и задора частныхъ войсковыхъ начальниковъ, не былъ чуждъ заботъ, умѣстныхъ тѣмъ болѣе потому, что въ войскахъ шли разговоры о необходимости бросить «миндальничанье» и хорошенько «вздуть» желтокожихъ. «Постарайся—писалъ онъ, между прочимъ, Корсакову—убѣдить любителей легкой войны съ китайцами, что ея не будетъ, а что если будемъ драться, то *съ англичанами на смерть* (курс. подл.); *c'est à dire: on n'aura pas de gloire à bon marché.*

Вскорѣ на Амуръ прибылъ и Путятинъ. Требованіе его о пропускѣ въ Пекинъ черезъ Сахалянъ-Ула также не увѣнчалось успѣхомъ, и онъ собирався идти въ море, въ Печели и на Пейхо, чтобы кончить съ амурскимъ вопросомъ все-таки въ сердцѣ Китая. Такимъ образомъ, у амурскаго дѣла оказалось два лица: одно уполномоченное для даннаго момента, въ душѣ не сочувствовавшее этому дѣлу, стремившееся разрѣшить его тамъ, гдѣ это было наиболѣе неудобнымъ—графъ Путятинъ; другое неуполномоченное, насквозь пропитанное жгучимъ желаніемъ поставить вопросъ на твердую почву, вполне учитывавшее обстановку и понимавшее невозможность торговаться съ Китаемъ на глазахъ иностранцевъ—генералъ Муравьевъ. Кромѣ того, Путятинъ не пользовался никакой авторитетностью въ глазахъ китайцевъ, Муравьевъ же имѣлъ возможность писать князю Горчакову въ юнѣ 1857 г. съ Усть-Зейскаго поста: «Народъ насъ здѣсь любитъ и уважаетъ, а власти страшно боятся и вѣрятъ каждому слову моему, имъ отъ меня сказанному, какъ закону». И преувеличенія тутъ не было никакого.

При такомъ положеніи врядъ ли кто найдетъ страннымъ, что, передъ отплытіемъ Путятина къ морю, Муравьевъ вручилъ ему письменныя свои по амурскому дѣлу соображенія въ качествѣ канвы для предстоящихъ переговоровъ. Общій тонъ записки былъ таковъ.

Семь лѣтъ занимаемъ мы устья Амура «безспорно и безпрепятственно, безъ всякаго со стороны китайцевъ протеста и противодѣйствія»; мы употребили значительныя силы и затратили большія денежныя средства на укрѣпленія въ устьяхъ рѣки, на Сахалинѣ,

въ Де-Кастри и въ Императорской гавани; «наши военныя силы, воздвигнутыя на вѣчныя времена укрѣпленія должны еще усиливаться»; мы стоимъ на Амурѣ твердо, будемъ твердо стоять и впредь; не объ уступкѣ территорій идетъ рѣчь, а лишь о разграниченіи, полезномъ только для устраненія недоразумѣній между сосѣдями. Къ запискѣ былъ приложенъ перечень войскъ, стоящихъ въ боевой готовности на нашей съ Китаемъ границѣ.

Однако, записка повидимому показалась Путятину странной. Личное самолюбіе восторжествовало надъ чувствомъ патриотизма. Путятинъ рѣшилъ дѣйствовать по своему. Это рѣшеніе не осталось неизвѣстнымъ Муравьеву и вызвало категорическое заявленіе послѣдняго министру иностранныхъ дѣлъ: «*Вопроса объ Амурѣ онъ (Путятинъ) не долженъ и возбуждать, с'est un fait accompli; и если бы другіе его возбудили, то отвѣчать, что Амуръ намъ издревле принадлежалъ*» (курс. подл.). Ту же мысль онъ сообщилъ и самому Путятину.

Не стану говорить, что въ настояніяхъ Муравьева не было и мысли о томъ памятникѣ себѣ, который нынѣ гордо красуется у офицерскаго собранія въ Хабаровскѣ; дальнѣйшія событія—лучшіе показатели безусловной правоты знаменитаго государственнаго мужа ¹⁾).

Спустившись по Амуру, графъ Путятинъ взошелъ на бортъ спеціально для того зафрахтованнаго американскаго судна «Америка» и, конвоируемый военнымъ тендеромъ «Камчадалъ», ушелъ въ Печели, гдѣ пересѣлъ на одно изъ судовъ находившейся тамъ русской эскадры. 24-го іюля онъ находился уже у устья р. Пейхо и направилъ экстренный пакетъ въ пекинскій трибуналъ съ требованіемъ приѣма и приступа къ переговорамъ объ Амурѣ. Прошелъ іюль, прошелъ и августъ—отвѣта не было. Это заставило графа проектировать различныя давленія на Китай. Такъ, онъ представлялъ Великому Князю Константину Николаевичу о соотвѣтственности прервать нашу торговлю черезъ Кяхту, дабы разсѣять въ китайцахъ убѣжденіе, что мы ею дорожимъ и потому опасаемся дѣйствовать энергично; высказывалъ и предположеніе о желательности полученія въ его, графа, распоряженіе нѣсколькихъ миліоновъ рублей на взятки, безъ коихъ посольство врядъ ли увѣнчается успѣхомъ; представилъ въ Амурскій комитетъ свои соображенія о

¹⁾ Государ. арх., аз. д-тъ, № 40—журналы Амурск. комит- и № 6/69, лл. 349, 350, 365; Воен.-учен. арх., отд. С, № 73; Барсуковъ, т. I, стр. 331, 482 и т. II стр. 156; Назаровъ, стр. 68, 69, 71—73.

вооруженномъ воздѣйствіи на Китай совмѣстно съ англо-французами, о блокадѣ нашими судами устья Пейхо для пресѣченія подвоза хлѣба въ Пекинъ и о необходимости принятія въ Сибири серьезныхъ мѣръ въ виду значительныхъ и очевидныхъ военныхъ приготовленій Китая противъ Россіи. А тѣмъ временемъ, въ началѣ сентября, изъ Пекина Путятину былъ доставленъ отвѣтъ трибунала и опять съ категорическимъ отказомъ принять посланника.

Въ распоряженіи Амурскаго комитета, кромѣ приведенныхъ донесеній Путятина, имѣлся также новый «листъ» пекинскаго трибунала, въ которомъ указывалось, что вести переговоры объ Амурѣ въ Пекинѣ или Тяньцзинѣ, по удаленности, неудобно, что объ этомъ надо стовориться съ манчжурскимъ дзянь-дзюнемъ, что мѣстомъ для переговоровъ надо избрать Айгунъ и т. д. Тогда же было получено донесеніе Муравьева, что «китайское правительство рѣшилось протестовать противъ заселенія нами лѣваго берега» Амура и рѣшилось на такой протестъ «тогда только, когда графъ Путятинъ прибылъ въ Печелійскій заливъ», другими словами, когда амурскій вопросъ изъ частнаго нашего съ Китаемъ дѣла превратился въ вопросъ характера международнаго и явился звеномъ въ рядѣ домогательствъ европейскихъ державъ, предъявленныхъ ими Невесной имперіи.

Обсудивъ всѣ эти обстоятельства, Амурскій комитетъ, во-первыхъ, нашель, что предложенія графа Путятина о вооруженномъ воздѣйствіи на Китай совмѣстно съ англо-французами совершенно неприемлемы. Намъ слѣдуетъ соблюдать въ Печелійскомъ заливѣ осторожность и не идти далѣе бдительнаго наблюденія, дабы не пострадали русскіе интересы отъ тѣхъ или другихъ соглашеній китайскаго правительства съ иностранцами. Путятину же надлежитъ дѣйствовать за одно не съ англо-французами—съ официальными врагами Китая—а съ Америкой, «правительство которой остается до сихъ поръ неизмѣннымъ въ отношеніи общей съ нами мпролюбивой политики въ вопросѣ китайскомъ». Къ тому же находеніе нашей эскадры лишь «въ наблюдательномъ положеніи» тѣмъ болѣе разумно потому, что Англія и Франція торжественно поручились за распространеніе на всѣ европейскія державы всяческихъ выгодъ, кои могутъ быть ими достигнуты. Во-вторыхъ, комитетъ нашель, что страхи графа Путятина по отношенію военныхъ приготовленій Китая противъ Россіи совершенно неосновательны. «При нынѣшнемъ бѣдственномъ положеніи китайской имперіи—говорится въ одномъ изъ журналовъ комитета—борьбѣ инсургентовъ

внутри нея, вторженіи иностранцевъ извнѣ, недостатокъ денегъ повсюду и голодѣ въ самомъ Пекинѣ»—угрозы намъ не страшны. Неуспѣхъ же посольства по отношенію къ амурскому вопросу былъ признанъ комитетомъ дѣйствительно грознымъ, и тогда рѣшили кончить тѣмъ, съ чего, собственно говоря, слѣдовало начать: Муравьева, лечившагося въ то время за границей, экстренно вызвали въ Петербургъ и предоставили ему вести переговоры съ китайскимъ правительствомъ вполне самостоятельно. Иначе рассуждая, Муравьеву вмѣнили въ обязанность исправить испорченное дѣло. Далѣе, званіе чрезвычайнаго посланника въ Китаѣ было признано «безполезнымъ», графу Путятину велѣно было именоваться «Императорскимъ комиссаромъ», слѣдить только за сношеніями иностранцевъ съ трибуналомъ и имѣть въ виду, что «вопросъ объ опредѣленіи нашей границы съ Китаемъ оставленъ въ исключительномъ завѣдываніи генераль-адъютанта Муравьева». Званіе генераль-адъютанта было даровано Муравьеву передъ его выѣздомъ въ Сибирь.

Когда амурскій вопросъ былъ изъятъ изъ круга обязанностей Путятинъ и о томъ узнали въ Пекинѣ, трибуналъ болѣе не противодѣйствовалъ стремленіямъ графа закончить свою мисію. Въ Тяньцзинь были высланы китайскіе уполномоченные—«государственный мужъ» Гуляй-Лянъ и «дивизионный начальникъ» Хуа-Шанъ. Съ ними, 1-го (13-го) іюня 1858 г., гр. Путятинъ заключилъ трактатъ, по которому были установлены нѣкоторыя льготы для нашей сухопутной съ Китаемъ торговли и были для нашихъ судовъ открыты китайскіе порты: Шанхай, Нинбо, Фуджоу-Фу, Сямынь, Гуандунъ, Тайвань-Фу, Цюнчжоу, а также всѣ остальные, кои подлежали открытію для иностранцевъ вообще по предстоявшему трактату съ англо-французами. Дѣло въ томъ, что Путятинъ почему-то заторопился заключить трактатъ ранѣе заключенія такового между Китаемъ и иностранными державами, причемъ торопливость его пользы Россіи не принесла: трактатъ иностранцевъ оказался болѣе выгоднымъ.

Тяньзинскій договоръ былъ заключенъ гр. Путятинимъ не безъ взятки Китаю. Онъ, отъ лица нашего правительства, но по собственной инициативѣ, обязался предоставить китайскому правительству 10,000 ружей и 50 тяжелыхъ орудій съ боевыми комплектами, а также русскихъ военныхъ инструкторовъ—двухъ артиллерійскихъ офицеровъ, двухъ инженерныхъ и одного пѣхотнаго. Амурскій комитетъ, разсмотрѣвъ представленіе по послѣднему по-

воду, Высочайше утвержденнымъ 8-го октября мѣняемъ положить: запасъ ружей направить въ Китай сухимъ путемъ «во избѣжаніе огласки и случайностей морского перехода»; орудія переслать въ Николаевскъ, а оттуда въ Китай—по мѣрѣ возможности; инструкторовъ командировать на мѣсто черезъ Монголію «обычнымъ путемъ, которымъ слѣдуютъ мисіи наши въ Китай, но не одновременно съ отправленіемъ оружія, дабы не подать повода къ какимъ либо толкованіямъ». Тяжелыя орудія хотя и были отправлены какъ и все остальное, но по назначенію не дошли; они остались на Амурѣ.

Снабженіе Китая оружіемъ и инструкторами по инициативѣ гр. Путятина, какъ и обученіе имъ же японцевъ ностройкѣ и управленію мореходными судами (шхуна «Хеда») сильно не нравились Муравьеву. Въ ряду его мыслей по этому поводу, замѣчательнымъ, *по истинѣ пророческимъ*, является такой отрывокъ изъ письма его къ Корсакову, отправленнаго изъ Японіи, въ бытность его въ этой странѣ въ 1859 году: «но и здѣсь не понимаю страсти Путятина *учить* (курс. подл.). Выучатся они всему и безъ насъ, особенно морскому дѣлу; а намъ бы лучше самимъ учиться, чѣмъ учить людей, которые скоро насъ перецеголяють» ¹⁾.

Рѣшивъ амурскій вопросъ передать всецѣло на попеченіе генералъ-адъютанта Муравьева и оповѣстивъ некинскій трибуналь о согласіи опредѣлить Айгунь мѣстомъ свиданія уполномоченныхъ, наше правительство, въ лицѣ Амурскаго комитета, было далеко отъ оптимизма. «Что же касается до отправленныхъ въ Сахалинъ-Ула китайскихъ уполномоченныхъ—читаемъ въ одномъ изъ журналовъ комитета—то комитетъ не полагаетъ, чтобы переговоры съ ними повели къ какимъ либо результатамъ». Но Муравьевъ думалъ иначе. «Слава Богу—писалъ онъ Сухазанету—что у насъ здѣсь есть теперь войска, въ которыя однако министерство иностранныхъ дѣлъ и до сихъ поръ не вѣрять, а кабинетъ, говорятъ, и сердится, зачѣмъ эти войска созданы». Главныя свои надежды Муравьевъ возлагалъ именно на присутствіе войскъ да на свой личный авторитетъ въ глазахъ китайцевъ. Давно уже, по свидѣтельству Ф. Шперка, «онъ сумѣлъ поставить себя съ китайскими властями на Амурѣ такъ, что онѣ его сильно побаивались и, видя въ немъ распорядителя крайне энергичнаго, а въ случаѣ необходимости

¹⁾ Государ. Арх., Аз. Д-тъ, № 40—журн. Амур. ком. и № 6—69, лл. 386, 448; II Полн. Собр. Зак., № 34,697; Барсуковъ, т. I, стр. 503, 504, 559 и т. II, стр. 159.

готоваго рѣшиться на все, боялись его прогнѣвить, часто, помимо своего желанія, соглашались съ его доводами». А чтобы быть еще болѣе убѣдительнымъ, онъ принялъ передъ айгунскимъ свиданіемъ рѣшеніе—отнюдь не показывать китайцамъ вида, что разграниченіе нужно *намъ*; наоборотъ, путемъ намека на то, что необходима намъ пространства мы займемъ безъ стѣсненія, какъ занимали и раньше, онъ хотѣлъ вселить въ нихъ мысль, что это разграниченіе нужно именно *имъ*, дабы русскіе не распространились и за тѣ предѣлы, о которыхъ идетъ рѣчь.

На Амуръ Муравьевъ выѣхалъ съ весьма дѣльнымъ и цѣливымъ помощникомъ—приставомъ нашей духовной мисіи въ Пекинѣ, ст. совѣтн. Петромъ Николаевичемъ Перовскимъ. При подходѣ къ Зеѣ, къ нему явился айгунскій амбанъ и сообщилъ, что въ городъ уже прибылъ уполномоченный вести съ нимъ переговоры—цицикарскій главнокомандующій (дзянь-дзюнь), родственникъ царствующаго богдыхана, И-Шань, а вскорѣ послѣ этого, видя, что Муравьевъ не торопится и торопиться не намѣренъ, явился и другой гонецъ, съ просьбою И-Шаня прибыть въ Айгунъ—«переговорить съ нимъ о разграниченіи, такъ какъ дѣло это крайне заботитъ ихъ правительство, а пограничные люди ихъ находятся въ тревогѣ и оторваны отъ сельскихъ занятій»; амбанъ же приглашалъ генераль-губернатора къ обѣду.

Муравьевъ приглашеніе амбана принялъ и 10-го мая направился съ Усть-Зейскаго поста (гдѣ наканунѣ былъ торжественно заложенъ храмъ Благовѣщенья) къ Айгуну, конвоируемый флотиліей канонерокъ. При стѣздѣ генерала на берегъ, китайцы произвели въ его честь салютъ изъ маленькихъ мортирокъ, производившихъ при выстрѣлахъ весьма слабый звукъ. Наши канонерки отвѣчали на это оглушительнымъ громомъ крупныхъ пушекъ, не жалѣя пороху на заряды. Дисонансъ салютовъ пришелся не особенно по вкусу китайцамъ; но эффектъ произвелъ. Дружескую трапезу Муравьевъ не пожелалъ уснащать разговорами о дѣлахъ: «объ этомъ завтра»—сказалъ онъ.

Первое засѣданіе состоялось утромъ 11-го мая. Муравьевъ сказалъ рѣчь, въ которой повѣдалъ о своихъ взглядахъ на амурскій вопросъ, взглядахъ, намъ уже извѣстныхъ. На это И-Шань возражалъ соображеніями Китая и его вѣрнаго союзника—графа Нессельроде, соображеніями, также намъ уже прекрасно извѣстными. Далѣе начались пренія по мелочнымъ вопросамъ, совершенно не двигавшія дѣло. Къ 4 часамъ дня Муравьевъ прекратилъ

пренія не безъ рѣзкости, передалъ И-Шаню заготовленный Перовскимъ проектъ трактата и уѣхалъ въ Благовѣщенскъ. Существо проекта заключалось въ установленіи границы по Амуру и Уссури до Кореи, въ предоставленіи Россіи свободы плаванія по Амуру и свободы торговли по всей границѣ, а также въ обязательствѣ для манчжуръ, проживавшихъ въ устьяхъ Зеи на лѣвомъ берегу Амура, переселиться на правый берегъ рѣки.

Такъ какъ 11-го мая И-Шань неоднократно упоминалъ, что Китай хочетъ сохранить съ нами дружбу во что бы то ни стало, то Муравьевъ рѣшилъ пока-что воздержаться отъ личнаго участія въ переговорахъ, рассчитывая, что его помощнику легче будетъ объясняться съ китайцами безъ него, опираясь именно на взгляды отсутствовавшего сановника, не подлежащія оспариванію; легче второстепенному лицу и припугнуть китайцевъ выраженіемъ личныхъ его, помощника, предположеній о возможности репрессій со стороны рѣшительнаго генерала.

На другой день отправили въ Айгунь переводчика Шишмарева и поручили ему передать И-Шаню, что Муравьевъ боленъ и поручаетъ вести дальнѣйшіе переговоры Перовскому, который при этомъ былъ названъ служащимъ въ нашемъ сенатѣ.

Начались ежедневныя свиданія Перовскаго то съ айгунскимъ амбанемъ, то съ главнымъ переводчикомъ И-Шаня и другими лицами, свиданія, происходившія по утрамъ и по вечерамъ и продолжавшіяся по 3, по 4 часа. «Трудно передать—читаемъ въ запискѣ Перовскаго, хранящейся въ государственномъ архивѣ— всѣ хитрости, всѣ уловки китайскихъ чиновниковъ съ цѣлью внушить слушателю убѣжденіе о ихъ славѣ, о неоспоримомъ превосходствѣ ихъ надъ другими народами; но трудно имъ было выдерживать постоянно эту роль и скрыть собственное сознаніе о своемъ безсиліи, о шаткомъ положеніи дѣлъ въ ихъ государствѣ, о страхѣ, чтобы мы не дѣйствовали противъ нихъ вмѣстѣ съ англичанами, которыхъ они столько же не любятъ, сколько боятся». Перовскій не упустилъ удобнаго случая дать китайцамъ почувствовать, что положеніе ихъ намъ вполне извѣстно; когда же, послѣ нѣсколькихъ засѣданій, онъ замѣтилъ, что упорство китайцевъ не ослабѣваетъ, то рѣшительно объявилъ, что только великодушію русскаго Монарха обязаны они сохраненіемъ дружественныхъ отношеній между обоими государствами, тогда какъ поступки ихъ въ послѣдніе годы давали намъ полное право дѣйствовать иначе; что напрасно они опираются въ дѣлѣ опредѣленія границъ на прежніе трактаты, ибо

при заключеніи основнаго трактата 1689 года съ русскими поступили недобросовѣстно и т. д. Это произвело впечатлѣніе, и согласіе на заключеніе договора послѣдовало. При этомъ китайцы просили не говорить объ Амурѣ, какъ о границѣ, а сказать, что «лѣвый берегъ, до устья моря, составляетъ владѣніе Россійскаго государства» и просьба эта, по идентичности понятій, была принята. «Надобно полагать—разсуждаетъ Перовскій въ той же запискѣ—что уполномоченные, которые неоднократно упоминали, что они не знаютъ, какъ для нихъ это дѣло окончится въ Пекинѣ, имѣютъ въ виду представить въ свое оправданіе какое либо хитрое поясненіе этой статьи». Затѣмъ, китайцы настаивали, чтобы земли по Уссури и у Японскаго моря остались по трактату неразграниченными и чтобы ихъ разграниченіе было произведено впослѣдствіи, непосредственнымъ распоряженіемъ пекинскаго трибунала. Здѣсь, по догадкѣ Невельскаго, крылось незнаніе китайцами своей географіи и боязнь уступить Россіи земли, составляющія вотчины царствующей династіи.

Когда договоръ былъ выработанъ окончательно, и соглашеніе по его тексту уже послѣдовало, китайскіе уполномоченные неожиданно заявили, что подписать его они не могутъ, а должны послать на предварительное утвержденіе въ Пекинъ. Тогда съ нашей стороны рѣшено было прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ. Муравьевъ—пишетъ Перовскій—«котораго я, во время переговоровъ, старался представить, какъ человѣка военнаго, не любящаго много говорить, но любящаго дѣйствовать», отправился къ И-Шаню самолично. Онъ заявилъ дзянь-дзюню, что никакихъ измѣненій въ проектѣ договора больше не сдѣлаетъ, что весьма удивляется нерѣшительности китайскаго сановника, что договоръ нуженъ китайцамъ самимъ и что если слѣдствіемъ его нерѣшительности явятся крупныя для китайцевъ непріятности со стороны англичанъ, «то должны пенять на себя». Категоричность заявленія, наличность бравыхъ русскихъ войскъ, снабженныхъ пушками, такъ громко стрѣляющими, подѣйствовали: 16-го мая 1858 года договоръ былъ подписанъ, а 18-го числа отправленъ въ Петербургъ князю Горчакову.

Пунктъ первый Айгунскаго договора гласилъ:

«Лѣвый берегъ рѣки Амура, начиная отъ рѣки Аргуни до морскаго устья рѣки Амура, да будетъ владѣніемъ Россійскаго государства, а правый берегъ, считая внизъ по теченію до рѣки Уссури, владѣніемъ Дайцинскаго государства; отъ рѣки Уссури далѣе до моря находящіяся мѣста и земли, впредь до опредѣленія по симъ

мѣстамъ границы между двумя государствами, какъ нынѣ, да будутъ въ общемъ владѣніи Дайцинскаго и Россійскаго государства». Плаваніе по Амуру, Сунгари и Уссури разрѣшается только русскимъ и китайскимъ судамъ. Манчжурь, обитающихъ у Зеи, на лѣвомъ берегу Амура, «оставить вѣчно на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства, подъ владѣніемъ манчжурскаго правительства съ тѣмъ, чтобы русскіе жители обидѣ и притѣсненій пмъ не дѣлали».

По второму пункту договора, русскимъ предоставлялась свобода торговли по Уссури, Сунгари и Амуру, а третій пунктъ гласилъ, что договоръ должно сохранять свято и нерушимо.

На всеподданнѣйшемъ объ этомъ докладѣ Государь Императоръ начерталь: *«Лучшаго мы желать не могли»*. Муравьеву было даровано званіе *графа Амурскаго*.

Въ письмѣ своемъ отъ 22-го августа того же года къ Ковалевскому Муравьевъ пронизировалъ: «иллюминація въ Пекинѣ по случаю Айгунскаго договора 16-го мая была даже лучше вчерашней Иркутской; я этому вѣрю; судя по тому, какъ великолѣпна была въ Петербургѣ иллюминація по случаю Парижскаго договора. Вообще для меня крайне трогательно сходство наше съ любезными сосѣдями».

Айгунскій договоръ былъ ратификованъ богдыханомъ весьма скоро. Въ Айгунъ прибылъ изъ Пекина курьеръ съ этою вѣстью еще въ іюнѣ и просилъ о различныхъ распоряженіяхъ. Ему, отъ имени Муравьева, было сказано, что просимыя распоряженія будутъ сдѣланы черезъ два мѣсяца, когда ожидается въ Сибири увѣдомленіе объ утвержденіи трактата Государемъ Императоромъ. Такой срокъ былъ назначенъ по соображенію, что курьеръ Муравьева прибылъ въ Петербургъ 4-го іюля и въ тотъ же день вручилъ договоръ князю Горчакову. Но наступилъ и конецъ августа, а вѣсти изъ Петербурга не было. «Курьеръ въ Айгунѣ ждетъ—писаль Муравьевъ тому же Ковалевскому—но бумаги писать не смѣю, ибо Богъ васъ знаетъ, что вы рѣшитесь взять *на отвѣтственность* (курс. подл.) министерства иностранныхъ дѣлъ передъ англичанами, а чего не рѣшитесь; можетъ быть Айгунскій доворъ еще страшнѣе учрежденія Амурской компаніи? Тогда мы съ богдыханомъ останемся въ дуракахъ: онъ иллюминировалъ Пекинъ, и здѣсь освѣтили Иркутскъ въ честь 16-го мая, а вы не утвердите!»

Но вскорѣ получилось увѣдомленіе объ утвержденіи Государемъ договора, а вслѣдъ затѣмъ и поздравительное письмо директора азіатскаго департамента Ковалевскаго, повидимому большого

пріятеля Муравьева, въ которомъ сообщалось о возведеніи послѣдняго въ графское достоинство. На это письмо графъ Амурскій отвѣтилъ длиннѣйшимъ и глубоколюбопытнымъ посланіемъ совершенно конфиденціального характера. Привожу выдержку изъ него.

.... Не вѣрится мнѣ однакожь, чтобы всѣ радовались возвращенію Амура, когда занялись уменьшеніемъ наградъ, мною представленныхъ, почти какъ счета портного.. Не слѣдовало бы мнѣ теперь обращаться къ прошедшему; но въ огражденіе себя и дѣла отъ будущихъ затрудненій, необходимо разобрать ошибки наши по амурскому дѣлу. Министерство г. Нессельроде желало приобрести Амуръ гораздо прежде, чѣмъ я былъ назначенъ въ Восточную Сибирь генераль-губернаторомъ; этому служить доказательствомъ секретная инструкція пристава (нашей духовной мисіи въ Пекинѣ) Любимову въ 1840 году; но когда этотъ канцелярскій чиновникъ не успѣлъ затѣять переговоровъ объ Амурѣ въ Пекинѣ, то министерство стало отвергать и противодѣйствовать всѣмъ соображеніямъ по этому (вопросу) мѣстнаго начальства, которыя были представляемы еще при моемъ предшественникѣ; частью тутъ дѣйствовала англофобія, развивавшаяся въ сильной степени гораздо прежде войны 1854 года, но большею частью *esprit de caste*, то-есть: чего не сдѣлалъ канцелярскій чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, того, конечно, никто другой не можетъ сдѣлать и предпринимать не долженъ,—вотъ причины борьбы, продолжавшейся такъ долго. Перемѣнился министръ и директоръ (азіатскаго департамента), но канцелярія осталась та же, и Муравьевъ продолжалъ быть *la bête noire du ministère*, несмотря на дружескія ваши съ вами отношенія и на благонамѣренность министра; подъ вплиніемъ этого направленія отправленъ сюда и Путятинъ въ 1857 году. Начало его назначенія, конечно, не принадлежитъ министерству иностранныхъ дѣлъ, но что онъ посланъ былъ сюда совершенно независимымъ, даже отъ моего совѣта, есть (представляется) яснымъ послѣдствіемъ этого направленія. и, конечно, Россія обязана *одному* (курсе. подл.) Провидѣнію, что вредъ, произведенный посольствомъ и вообще командировкою г. Путятина, оказался не такъ великъ, какъ должно было его ожидать. Но въ какое странное, невыносимое положеніе поставленъ былъ генераль-губернаторъ Восточной Сибири! Путятинъ можно было и должно послать съ эскадрою гораздо ранѣе въ тамошнія воды; но непременно обязать его не только получать совѣты, но и приказанія генераль-губернатора. Тогда бы онъ, несмотря на свое упрямство, *долженъ* (то же) былъ предъявить англо-французамъ записку мою о числѣ войскъ, готовыхъ дѣйствовать на границахъ Манчжуріи и Монголіи, а не игралъ бы той несчастной роли, которую онъ передъ ними выдѣлывалъ, а могъ бы прямо участвовать въ ихъ переговорахъ; тогда бы онъ не огорчилъ господина Рида (уполномоченнаго Америки) своимъ равнодушіемъ и, конечно, заключилъ бы трактатъ съ англичанами и французами, и вмѣстѣ съ ними, а не прежде ихъ, что нельзя не признать большою ошибкою, а въ особенности не не усиливался (бы) заставлять китайцевъ переговариваться съ нимъ о границахъ Амура, когда я еще въ прошлогоднемъ письмѣ написалъ ему, что дѣло это должно предоставить домашнему разбору пограничныхъ начальствъ, чтобы не вмѣшивать эту статью въ переговоры при англо-французахъ. А иностранные журналы всегда понимали, что Путятинъ

дѣйствуетъ по инструкціямъ генераль-губернатора. Зачѣмъ же министерство иностранныхъ дѣлъ не хотѣло принять, съ самого начала разговора о Путятинѣ, это направленіе, вполнѣ естественное, и неужели оно и теперь не убѣдилось, что новаго нашего посланника въ Пекпнѣ надо поставить въ непосредственныя сношенія или, пожалуй выражусь, въ зависимость (отъ) генераль-губернатора? Но я надѣюсь достигнуть того же дружбою моею съ Перовскимъ и нѣкоторымъ довѣріемъ, которое я у него приобрѣлъ“...

Это частное, конфиденціальное письмо хранится нынѣ среди официальныхъ документовъ въ Государственномъ архивѣ, а на немъ имѣется собственноручная резолюція Императора Александра Николаевича: *«Ею не передѣлаешь, а надобно умѣть воспользоваться, отдавая ему справедливость за услуги имъ оказанныя»* ¹⁾.

Непосредственно по заключеніи Айгунскаго договора, именно 16-го сентября 1858 г., гр. Муравьевъ-Амурскій представилъ Великому Князю Константину Николаевичу обширнѣйшій планъ производства на Амурѣ цѣлаго ряда работъ, признанныхъ имъ необходимыми въ видахъ организаціи надежной обороны края, въ связи съ развитіемъ и улучшеніемъ путей сообщенія. «Обозрѣвъ—писалъ онъ—въ теченіе лѣта нынѣшняго года При-Амурскій край и поручивъ состоящимъ при мнѣ инженернымъ офицерамъ произвести предварительныя изслѣдованія, по указаніямъ моимъ, теченія рѣкъ Амура, Шилки и Ингоды, я считаю долгомъ представить на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Высочества соображенія относительно работъ въ При-Амурскомъ краѣ, которыя, по мнѣнію моему, необходимо будетъ исполнить, по возможности не откладывая на долгое время». Сущность этихъ соображеній сводилась къ слѣдующему.

Для обороны устьевъ Амура, въ лѣтній періодъ 1855 г., строились и были сооружены три батареи: Николаевская, Михайловская и Александровская, всего на 70 орудій; въ зиму же на 1856 годъ было приступлено къ сооруженію форта Константиновскаго на 24 пушки. Всѣ эти работы надлежало закончить къ открытію навигаціи 1856 года; но извѣстіе о заключеніи мира, полученное на мѣстѣ раннею весною, заставило обратить всѣ наличныя рабочія руки на снаряженіе къ плаванію судовъ, на достройку жилыхъ помѣщеній и на другія работы, представившіяся, по измѣнившейся обстановкѣ, болѣе неотложными; батареи же остались

¹⁾ Государ. Арх. Аз. Д-тъ, № 40.—журн. Амур. ком. и № 6—69, лд. 183, 186—197, 472, 499—503; II Полн. Собр. Зак., № 36787; Барсуковъ, т. I, стр. 478 и т. II, стр. 184; Назаровъ, стр. 73; Невельской, стр. 392, 401.

въ томъ состояніи, въ какое были приведены къ концу войны. Сказанныя батареи и фортъ представляли собою оборонительную линію, достаточно сильную для противодѣйствія непріятелю, неподготовившемуся специально для атаки береговыхъ батарей, и даже англо-французская эскадра, крейсировавшая въ Восточную войну въ Тихомъ океанѣ въ числѣ 27 вымпеловъ, не была бы въ состояніи бороться съ успѣхомъ съ нашими укрѣпленіями. Однако, въ настоящее время устье Амура необходимо укрѣпить болѣе сильными верками, а при проектированіи таковыхъ слѣдуетъ учитывать возможность появленія передъ ними врага, способнаго атаковать береговья батареи не только помощью судовъ, но и посредствомъ сильнаго десанта. Къ устройству такихъ верковъ надлежитъ приступить теперь же, въ мирное время, какъ по соображенію о томъ, что въ условіяхъ мирнаго времени работы обойдутся гораздо дешевле, такъ и потому, что во время военное, при ограниченности мѣстныхъ средствъ, мы не будемъ въ состояніи сдѣлать даже самаго необходимаго.

Далѣе, такъ какъ по Айгунскому договору свободное плаваніе по Амуру предоставлено только судамъ русскимъ и китайскимъ, такъ какъ для сохраненія такого условія намъ необходимо принять мѣры къ пресѣченію плаванія судовъ другихъ державъ «дальше опредѣленнаго мѣста» и такъ какъ намъ необходимо сохранить вліяніе на китайское правительство и на Манчжурію—представляется неизбѣжнымъ сооруженіе береговыхъ батарей и въ иныхъ пунктахъ Амура, батарей, при помощи которыхъ, въ случаѣ надобности, можно было бы прекратить сообщеніе по рѣкѣ. Кромѣ этого, «неблагоразумно оставлять безъ защиты устья рѣкъ Сунгари и Уссури, по берегамъ которыхъ расположено значительное народонаселеніе китайское и манчжурское, а по берегамъ первой—и многіе города». На первое время графъ Муравьевъ предполагалъ ограничиться постройкою всего четырехъ батарей—у выхода Амура изъ Хинганскаго хребта, у впаденія Уссури въ большой рукавъ Амура, у соединенія усть-уссурійскаго рукава Амура съ главнымъ русломъ рѣки и на мысѣ Джай, гдѣ предполагалось основать городъ Софійскъ. Съ развитіемъ же торговли и промышленности на Амурѣ, число укрѣпленныхъ пунктовъ, по мнѣнію гр. Муравьева, безъ сомнѣнія слѣдуетъ увеличить.

Слѣдуетъ обратить вниманіе и на заливъ Де-Кастри. Лиманъ Амура вскрывается отъ льда около 20-го мая и замерзаетъ въ первыхъ числахъ ноября; выше же, около мыса Джай (Софійска), на-

ходящагося всего въ 60 верстахъ отъ бухты Де-Кастри, открытой для судоходства съ конца марта по декабрь, рѣка вскрывается отъ льда въ половинѣ апрѣля и замерзаетъ во второй половинѣ ноября, т. е. навигація по рѣкѣ выше мыса Джай продолжается почти на два мѣсяца дольше, чѣмъ по лиману. Затѣмъ, водный путь отъ Де-Кастри до мыса Джай, длиною въ 550 верствъ, доступенъ только для судовъ съ осадкою менѣе 14 футъ и вообще затруднителенъ, въ особенности по лиману и въ особенности для парусныхъ судовъ. Это указываетъ на крайнюю желательность устройства сухонутнаго сообщенія между Де-Кастри и мысомъ Джай, «и безъ сомнѣнія въ скоромъ времени образуется частная компанія для постройки желѣзной дороги». Но чтобы сказанное сообщеніе принесло существенную пользу въ отношеніи пользованія Амуромъ какъ путевую артерію между центромъ Сибири и Тихимъ океаномъ, въ Де-Кастри необходимо устроить пристани и гавань, въ которой суда могли бы во всякую погоду выгружать свои товары и принимать новые. Имѣя же въ виду близость бухты Де-Кастри къ главному руслу Амура, необходимо эту бухту защитить оборонительными сооружениями, дабы тѣмъ воспрепятствовать нашимъ возможнымъ врагамъ высадиться въ ней, выйти сухимъ путемъ на Амуръ, захватить мѣстность у мыса Джай, отрѣзать сообщеніе по рѣкѣ съ Николаевскомъ и поставить тѣмъ этотъ послѣдній портъ въ весьма опасное положеніе. Кромѣ того, совершенно необходимо организовать телеграфное сообщеніе между Николаевскомъ, Де-Кастри и Софійскомъ, безъ котораго совокупная оборона этихъ мѣствъ въ военное время будетъ крайне затруднена, безъ котораго не обойтись и въ мирное время, впослѣдствіи потребности въ быстротѣ сношеній между главнымъ управленіемъ края, пребывающимъ въ Николаевскѣ, и такимъ важнымъ приморскимъ торговымъ пунктомъ какъ Де-Кастри.

Весьма неудобно, что мѣсто зимовки нашихъ судовъ—протока Пальво—находится въ 70 верстахъ отъ Николаевска и при томъ въ сторонѣ отъ главнаго русла Амура. Часто приходится отправлять туда значительныя команды, а иногда только на нѣсколько часовъ работы, чтобы вытащить или кренговать судно, вынуть котлы, снять мачту и т. п. Бывали случаи, что суда, опоздавшія приходомъ на зимовку въ Николаевскъ, не достигали Пальво и застревали во льду на пути къ протоку. Затѣмъ, палвинская зимовка тѣсна и неудобна въ отношеніи доставки строевого лѣса, могущаго быть приплавленнымъ только съ озера Орель, что вызываетъ крайнюю за-

труднительность въ дѣлѣ постройки въ Пальво новыхъ судовъ, тогда какъ въ Николаевскѣ можетъ идти сплавомъ строевой лѣсъ со всего Амура и его притоковъ. Неудобна пальвинская зимовка и потому, что командиръ тихоокеанскихъ портовъ и военный губернаторъ Приморской области, который долженъ жить въ Николаевскѣ, лишень возможности слѣдить за портовыми работами. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, представляется прямо необходимымъ построить въ Николаевскѣ искусственную гавань, расположивъ ее на Константиновскомъ полуостровѣ какъ на самомъ удобномъ, ибо тамъ, при постройкѣ Константиновскаго форта, углублялись безъ затрудненій ниже горизонта воды амурскаго ординара на 6 сажень (тутъ на документѣ чья то поправка карандашемъ— «не сажень, а футъ»).

Для удобства сообщенія по Амуру, необходима регулировка верхней части его теченія. Начиная отъ Анганской станицы, и въ особенности по рѣкамъ Шилкѣ и Ингодѣ, встрѣчаются мѣста, въ которыхъ, отъ раздѣленія русла на множество рукавовъ, фарватеръ въ малую воду бываетъ несравненно мельче, чѣмъ во всѣхъ прочихъ участкахъ теченія этихъ рѣкъ. На Шилкѣ и Ингодѣ, кромѣ того, изобилуютъ такъ называемые перекаты, образующіеся большею частью въ мѣстахъ крутыхъ поворотовъ рѣкъ; плаваніе по перекатамъ крайне затруднительно, ибо суда, быстрымъ теченіемъ, зачастую отбрасываются съ фарватера на мели. Препятствуютъ судоходству и большіе камни, разбросанные по ложу Шилки и Ингоды. Безъ устраненія этихъ изъяновъ, безъ исправленія русла рѣкъ, плаваніе по нимъ останется затруднительнымъ во всякое время года,

Наконецъ, по всему Амуру, Шилкѣ и Ингодѣ, отъ Николаевска до Читы, въ мѣстахъ, гдѣ пароходы запасаются дровами, принимаютъ и сгружаютъ тяжести, необходимо построить пристани, а на главныхъ станціяхъ и гавани для зимовки судовъ, съ извѣстнымъ ихъ оборудованіемъ для возможности производства ремонтныхъ судовыхъ работъ.

Къ изложенному графъ Муравьевъ прибавлялъ, что, по его распоряженію уже приступлено къ устройству гавани и пристани на Шилкѣ у станицы Срѣтенской, а для оживленія работъ по усиленію батарей на устьяхъ Амура въ навигацію 1859 г. предназначена къ сплаву партія рабочихъ въ 500 человекъ изъ числа ссыльныхъ. Послѣднія работы будутъ исполнены за счетъ суммъ, имѣющихся въ распоряженіи генераль-губернатора. На всѣ же прочія операціи требуются новыя асигнованія.

На подлинной запискѣ гр. Муравьева собственноручная резолюція Государя Императора: «О томъ, что касается военно-сухопутнаго вѣдомства, сообщить военному министру для нужныхъ соображеній. Прочее предъявить въ Сибирскій комитетъ».

Сибирскій комитетъ прежде всего обратился по этому дѣлу къ графу Путятину и просилъ его дать по запискѣ графа Муравьева подробное заключеніе. Это заключеніе, въ основной и самой существенной своей части, гласило, что первымъ препятствіемъ къ осуществленію плана генераль-губернатора явится отсутствіе на мѣстѣ рабочихъ рукъ. «Главною потребностью, на значительное время впредь, будетъ переселеніе сколь возможно большаго числа семействъ въ самыя отдаленныя части вновь пріобрѣтенныхъ земель. Это передвиженіе потребуетъ не мало денежныхъ средствъ, чтобы произвести его безъ потери людей. Экономія въ такомъ случаѣ, не говоря уже о долгѣ человѣколюбія, не достигнетъ своей цѣли, ибо если половина или болѣе переселенцевъ погибнетъ на пути, то издержки на каждого человѣка возрастуть для казны вдвое и трое; край по прежнему останется безлюднымъ и слѣдовательно бесполезнымъ. По этимъ причинамъ, мнѣ кажется, необходимо прежде всего обратить преимущественное вниманіе на заселеніе пути къ Восточному океану и главныхъ пунктовъ его прибрежья». Дальнѣйшихъ сужденій гр. Путятина передавать не буду: они почти полностью повторились въ нижеизлагаемомъ вкратцѣ журналѣ Сибирскаго комитета; скажу больше: добрыя три четверти комитетскаго журнала являютъ собою воспроизведеніе мыслей и даже словъ графа Путятина.

При обсужденіи представленія гр. Муравьева въ Сибирскомъ комитетѣ, присутствовавшій на засѣданіи генераль-маіоръ Корсаковъ пояснилъ, что для работъ въ Пріамурскомъ краѣ, кромѣ 500 рабочихъ изъ ссыльныхъ, предполагается пользоваться личнымъ составомъ находящихся тамъ линейнаго баталіона и флотскихъ экипажей. Комитетъ хотя и нашель, что при такомъ рѣшеніи на работы можетъ быть обращено до 3,000 чел., но, съ другой стороны, не могъ «не принять въ уваженіе, что большая часть флотскихъ экипажей лѣтомъ должна быть на судахъ и что, такимъ образомъ, предполагаемые способы будутъ весьма недостаточны для производства всѣхъ обширныхъ работъ, предположенныхъ графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ». Хотя для заселенія края комитетомъ уже предугазаны различныя мѣры, но заселеніе это не можетъ де совершиться скоро; къ тому же поселенцы, по прибытіи въ край,

принуждены будутъ заняться работами, необходимыми для будущаго ихъ тамъ устройства. При такомъ очевидномъ недостаткѣ рабочихъ рукъ, по мнѣнію комитета, на первое время слѣдуетъ ограничиться только тѣми работами, кои могутъ быть дѣйствительно исполнены находящимися тамъ личными средствами и «исполненіе коихъ болѣе другихъ важно, необходимо и полезно». Нельзя де упускать изъ вида и того, что на проектированныя мѣропріятія требуются весьма значительныя денежныя средства, что таковыя должны быть отпущены изъ государственнаго казначейства, что послѣднее находится въ крайне стѣсненномъ положеніи и что посему слѣдуетъ прежде всего соблюдать экономію. По мнѣнію комитета, въ первую очередь надлежало бы приступить къ укрѣпленію устьевъ Амура, на случай разрыва съ какою либо изъ морскихъ державъ, а для сего теперь же «необходимо составить основательный планъ возможно твердаго оплота для преграды военнымъ судамъ проникать во внутрь страны». Относительно же возведенія укрѣпленій въ иныхъ по Амуру пунктахъ, въ комитетѣ возникло сомнѣніе: «представляется ли въ сихъ укрѣпленіяхъ дѣйствительная надобность?» Фактически такія укрѣпленія могутъ служить только противъ китайцевъ, «со стороны которыхъ намъ никакъ нельзя ожидать нападений еще долгое время», такъ какъ опасенія высадки европейскихъ десантовъ врядъ ли основательны. «Сомнительно, чтобы непріятель, переплывшій столько морей, покусился оставлять побережье, и отдаляться отъ своихъ запасовъ и подкрѣпленій на разстоянія, въ которыхъ находятся отъ моря важнѣйшіе пункты на Амурѣ. Допустивъ даже, что непріятель займетъ мысъ Джай, то и тогда канонирскія лодки наши съ бомбическими орудіями могутъ отогнать его отъ берега и плаваніе по рѣкѣ останется свободнымъ. Такимъ образомъ, безопасность сообщеній по Амуру едва ли не будетъ вполне обезпечена твердою защитою одного устья».

Устройство пристани въ Де-Кастри, по мнѣнію комитета, явится полезнымъ и не сопряженнымъ съ большими расходами. «Но входъ въ сей заливъ, по своей обширности, едва ли можетъ быть достаточно сильно укрѣпленъ». Что же касается гавани, то на ея оборудованіе потребовались бы огромныя деньги, затрата которыхъ нецѣлесообразна тѣмъ болѣе потому, что на значительное развитіе коммерческаго судоходства въ водахъ Тихаго океана рассчитывать пока нельзя. «Можетъ быть, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи при-Амурскаго края, откроется, что торговлю Сибири удобнѣе будетъ направлять черезъ Уссури къ южнымъ портамъ, зимою не замерза-

ющимъ (?); тогда заливъ Де-Кастри потеряетъ все свое значеніе». Въ ближайшее же время то небольшое число купеческихъ судовъ, которое плаваетъ въ тамошнихъ водахъ, всегда можетъ найти въ случаѣ войны защиту подъ батареями Николаевска. «Вообще, недостаточное укрѣпленіе мѣста служило бы только приманкою неприятелю для испытанія своихъ силъ; дѣйствительная же защита огромной открытой бухты, какъ заливъ Де-Кастри, всегда будетъ представлять, если не совершенную невозможность, то большія затрудненія».

Обращеніе Николаевска въ главный военный портъ на Тихомъ океанѣ, по свѣдѣніямъ морского министерства, также представляетъ свои неудобства. Къ Николаевску прилегаютъ отмели, распространенныя на значительной площади; ихъ устраненіе искусственнымъ образомъ не завершится удачею, ибо стихійныхъ условій не измѣнить, ибо причины образованія этихъ отмелей останутся на лицо; посему и гавань, искусственно вырытая, скоро будетъ вновь занесена иломъ или пескомъ. Суровость же и продолжительность зимы всегда будутъ служить немалымъ препятствіемъ къ успѣшному производству въ Николаевскѣ кораблестроительныхъ работъ. Въ общемъ, обращеніе Николаевска въ главный военный тихоокеанскій портъ еще можно было бы допустить, «ежели бы въ томъ краѣ не представлялось другого удобнаго порта для нашего флота». Въ дѣйствительности же «все побережье Татарскаго пролива заключаетъ въ себѣ не малое число ихъ, изъ которыхъ долженъ быть только избранъ лучшій».

Пользы очищенія русла рѣкъ Амура, Шилки и Ингоды оспаривать невозможно; «но для сего необходимо сперва удостовѣриться, что работы по этому предмету удобоисполнимы и не требуютъ какихъ либо чрезвычайныхъ издержекъ», и лишь послѣ соответственныхъ изысканій вопросъ можетъ быть рѣшенъ правильно. «Внимательный предварительный расчетъ тѣмъ болѣе тутъ нуженъ, что время судоходства краткое, препятствій—и мѣстныхъ, и климатическихъ—особенно по Шилкѣ и Ингодѣ, должно ожидать значительныхъ; и затѣмъ, будутъ ли предстоящіе расходы соответствовать ожидаемой пользѣ?»

Наконецъ, цѣлесообразность устройства въ различныхъ мѣстахъ амурскаго воднаго пути зимовочныхъ и ремонтныхъ убѣжищъ для судовъ комитетомъ была отвергнута; сооруженіе же пристаней признано желательнымъ, но пристаней недорогихъ, какими будутъ онѣ при условіи приданія имъ типа временнаго и при уборкѣ ихъ на зиму.

Резюмируя изложенное Сибирскій комитетъ положилъ:

„Въ общемъ порядкѣ техническихъ работъ въ При-Амурскомъ краѣ прежде всего приступить къ укрѣпленію устьевъ Амура. Составленные по этому предмету планъ и проектъ, по присылкѣ ихъ сюда, рассмотреть и утвердить тѣмъ порядкомъ, какъ разматриваются и утверждаются всѣ вообще подобные планы и проекты. Предоставить управляющему морскимъ министерствомъ сообщить тому вѣдомству, гдѣ будутъ разсматриваться означенный проектъ и планъ, замѣчанія, сдѣланныя графомъ Путятинымъ относительно обороны устьевъ Амура. На счетъ аспигнованія суммъ, какія потребуются на этотъ предметъ, войти въ предварительное сношеніе съ министерствомъ финансовъ установленнымъ порядкомъ. Развитие прочихъ затѣмъ предположеній, относящихся до техническихъ работъ въ При-Амурскомъ краѣ, предоставить ближайшему соображенію генераль-губернатора Восточной Сибири и командующаго расположенными тамъ войсками. Поручить ему при этомъ войти въ обсужденіе всѣхъ тѣхъ замѣчаній, кои изложены выше относительно cadaго его предположенія. Просить его, при составленіи окончательныхъ предположеній вообще имѣть въ виду слѣдующія главныя условія: чтобы всѣ расходы были производимы не иначе, какъ постепенно, соответственно рабочимъ силамъ и денежнымъ средствамъ, кои на этотъ предметъ могутъ быть асигнованы; чтобы сначала были производимы работы, дѣйствительно необходимыя для обороны края и укрѣпленія его, а затѣмъ уже въ видахъ развитія въ краѣ торговли и промышленности; чтобы требованіе новаго отпуска денегъ на работы было дѣлаемо со всевозможною умѣренностью, такъ какъ положеніе государственнаго казначейства не позволяетъ ежегодно отдѣлять на работы въ При-Амурскомъ краѣ значительныя суммы, тѣмъ болѣе, что въ другихъ мѣстностяхъ имперіи есть много предметовъ, требующихъ также большихъ денежныхъ средствъ“.

На журналѣ комитета имѣется резолюція Государя Императора: «исполнить».

Приведенное постановленіе Сибирскаго комитета, какъ и слѣдовало ожидать, привело на практикѣ къ тому, что всѣ широкіе планы гр. Муравьева, кромѣ укрѣпленія устьевъ Амура, были отложены въ долгій ящикъ. Даже и вопросъ объ укрѣпленіи устьевъ Амура далеко не завершился въ соотвѣтствіе съ предположеніями генераль-губернатора: до 1862 г. были произведены лишь «приготовительныя» работы, а въ томъ году всѣ операціи по укрѣпленіямъ у Николаевска приказано было ликвидировать ¹⁾).

Въ ряду мѣръ военно-политическаго характера, направленныхъ къ прочности обладанія новымъ краемъ, значительно большимъ успѣхомъ завершилась мысль гр. Муравьева—учредить на границахъ военныя поселенія.

Какъ мы видѣли, гр. Муравьевъ предполагалъ поселить на Амурѣ часть забайкальскихъ казаковъ еще въ 1856 году, а затѣмъ, по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, принужденъ былъ

¹⁾ Инженерн. Арх., Ниж. Д-тъ, отд. I, ст. 3, № 2—1859 г., штабъ генераль-инспектора, отд. I, ст. 1, № 2—1859 г.

отложить эту мѣру до слѣдующаго года. 27-го февраля 1857 г. онъ писалъ военному министру, что сдѣлалъ уже всѣ приготовления для поселенія на Амурѣ трехъ сотенъ казаковъ и что задержка въ разрѣшеніи осуществить его предположенія, вызванная «политическими видами» министерства иностранныхъ дѣлъ и медлительностью обсуждения вопроса, можетъ повести къ необходимости мѣропріятіе отложить вновь, а произведенные расходы обречь на непроизводительность, ибо позднее разрѣшеніе исключить для переселяемыхъ казаковъ возможность устроиться на зиму. Эти соображенія подѣйствовали, и раннею же весною состоялось Высочайшее повелѣніе — поселить казаковъ на Амурѣ безотлагательно.

Три конныя сотни забайкальцевъ съ ихъ семьями были водворены на Амурѣ въ навигацію 1857 года, и тогда же было образовано девять первыхъ прибрежныхъ казачьихъ станицъ. Этими первыми станицами, считая внизъ по теченію, явились: Албазинская, Толбузина, Ольгина, Аносова, Корсакова, Буссе, Бибикова, Иннокентьевская и Пашкова. Въ слѣдующемъ 1858 г., 5-го сентября, гр. Муравьевъ доносилъ Августѣйшему генералъ-адмиралу, что Амурскій конный казачій полкъ, въ полномъ шестисотенномъ составѣ, сформированъ окончательно и поселенъ отъ Усть-Стрѣлки до Малаго Хингана. Но переселеніе продолжалось и послѣ этого, ибо Муравьевъ не признавалъ возможнымъ ограничиться занятіемъ Амурса только однимъ полкомъ. Въ 1858 г. возникло вновь 30 казачьихъ станицъ.

Переселеніе забайкальцевъ сопровождалось большою о нихъ заботливостью. Переселяющимся по жребію служилымъ казакамъ было дано отъ войска даровое полное обмундированіе; семьямъ выдавали денежныя пособія, съ тщательной провѣркой употребленія таковыхъ; провѣряли состояніе одежды и домашней утвари; приказывали брать съ собою земледѣльческія орудія, колеса, жернова для мельницъ, точила и проч.; обязывали перевезти на новыя мѣста рогатый скотъ, лошадей, поросятъ, птицу. Имѣя въ виду отсутствіе на Амурѣ мѣстныхъ рынковъ и неорганизованность сообщенія по рѣкѣ, въ счетъ пособій, по цѣнамъ несравненно болѣе дешевымъ, чѣмъ то могли купить сами казаки, заготовили и роздали переселявшимся различныя матеріи для платья, иголки, ножницы, наперстки, шилья и имъ подобные предметы. Казакамъ безлошаднымъ выдали коней изъ «экономическихъ войсковыхъ табуновъ». Въ отдѣльныхъ случаяхъ была допущена замѣна жеребьевыхъ казаковъ охотниками, но въ охотники брали только физически вполне здоровыхъ людей и притомъ либо женатыхъ, либо обязавшихся немед-

ленно жениться на дѣвушкахъ изъ семей, неподлежавшихъ переселенію. Въ сплавъ на семью было разрѣшено брать не болѣе 50 пудовъ багажа, 4 лошадей и 4 штукъ рогатаго скота—лошадей и быковъ обязательно рабочихъ, а коровъ дойныхъ; тѣ же казаки, которые хотѣли взять съ собою большое количество живого и мертваго инентаря, были обязаны строить артелями паромы своимъ иждивеніемъ. При поселеніи казаковъ на мѣстахъ старались не разъединять родственниковъ и односельчанъ. Во многія станицы назначили фельдшеровъ и снабдили ихъ медикаментами; не забыли и о ветеринарной помощи.

Несомпѣнно, такая заботливость во многомъ облегчила участь переселявшихся; но она во всякомъ случаѣ не исключила многихъ крайне тяжелыхъ условій водворенія на новыхъ, совершенно дикихъ мѣстахъ. Казаки поселялись близъ урѣза водъ Амура, въ полосѣ, подверженной наводненіямъ и неудобной для иного пользованія землею какъ сѣнокосомъ. Край представлялъ собою совершенную пустыню, и только небольшое пространство земли у слиянія Зеи съ Амуромъ было густо заселено манчурами, которыхъ трогать мы не могли по условіямъ Айгунскаго договора и которые, оставаясь китайскими подданными, полновластно владѣли лучшею землею вплоть до «выгона» ихъ въ 1900 году за Амуръ. Казаковъ водворили на Амурѣ небольшими поселками, поселокъ отъ поселка верстахъ въ 20—30, водворили, равномерно распредѣляя по всему теченію рѣки какъ съ цѣлью образованія «кордонной линіи», такъ и въ видахъ учрежденія вдоль Амура почтовой гоньбы. Природа была вполнѣ дѣвственной. Непроходимая, въ большинствѣ случаевъ заболоченная, тайга зачастую жалась къ самому Амуру и изобиловала хищниками—волкомъ, медвѣдемъ, тигромъ. Болѣе низменные мѣста были покрыты травой, скрывавшей всадника, травой съ толстыми деревянистыми стеблями, негодной для корма скота. Осенью трава эта плотнымъ слоемъ ложилась на землю, что, естественно, порождало образованіе такихъ болотъ, по которымъ ни пройти, ни проѣхать не представлялось возможнымъ. Мириады «гноса» носились по всему побережью Амура все теплое время и отравляли жизнь и казаку, и его коню, и иному домашнему животному. Но казаки не унывали. Разумною рубкою лѣса, да умѣлымъ пусканіемъ по лугамъ «паловъ» они побороли природу. Болота стали просыхать, травы по качеству улучшились, гноса убавилось. И какой цѣной достигли этого забайкальцы—можно лишь догадываться. Если искать по Амуру насаждателя культуры, то, пожалуй, кромѣ казака никого не отыщешь. Крестьяне наши явились уже на готовенькое.

Первоначально лучше всего жилось тѣмъ казакамъ, которые, расположились по близости отъ Зеи, неподалеку отъ «манчжурскаго обрѣза». Манчжуры прекрасно ужились бокъ о бокъ съ нашими и продавали казакамъ продукты своего сельскаго хозяйства по весьма дешевой цѣнѣ: куль овса—20 коп., курица—2 к. и т. п. «Я употребляю всѣ средства—читаю по этому поводу въ письмѣ гр. Муравьева къ Ковалевскому отъ 25 февраля 1858 г.—чтобы не тревожить съ нашего лѣваго берега такихъ милыхъ хозяевъ земледѣльцевъ».

8-го декабря 1858 г. была учреждена, кромѣ Приморской, еще и особая Амурская область, съ центромъ ея въ Благовѣщенскѣ и съ высшимъ начальствомъ въ лицѣ военнаго губернатора, пользовавшагося по отношенію къ войсковымъ частямъ правами: по регулярнымъ войскамъ—начальника дивизіи, по казачьимъ—наказного атамана. Тогда же Охотская округа была выдѣлена изъ состава Якутской области и включена въ область Приморскую. Одновременно съ этимъ было установлено вдоль Амура и почтовое сообщеніе: отъ Усть-Стрѣлки до устья Уссури почту должны были перевозить казаки; далѣе до Маринска ее перевозили на лошадахъ, купленныхъ за счетъ сибирскаго военнаго капитала; отъ Маринска до устья подъ почту нанимали перевозочныя средства у поселенныхъ тамъ крестьянъ, съ платою по 3 к. съ версты и лошади.

29-го декабря того же 1858 г., Государь Императоръ, «признавая необходимымъ обезпечить возвращенный Россіи При-Амурскій край военнымъ населеніемъ», Высочайше повелѣлъ: «для охраненія юго-восточной границы нашей и содержанія сообщенія по рѣкамъ Амуру и Уссури», образовать Амурское казачье войско, частью изъ забайкальскихъ казаковъ, частью изъ нижнихъ чиновъ внутреннихъ гарнизонныхъ баталіоновъ, общою численностью въ 15—20 тысячъ душъ обоихъ половъ. Все побережье названныхъ рѣкъ, т. е. лѣвый берегъ Амура до Уссури и правый берегъ Уссури, было повелѣно раздѣлить на четыре округа: два полковыхъ (конныхъ)—отъ Усть-Стрѣлки до Малаго Хингана и два баталіонныхъ (пѣшихъ) изъ послѣднихъ одинъ отъ Хангана до устья Уссури и другой отъ устья Уссури до Японскаго моря. Собственно амурскіе казаки происходили всѣ изъ Забайкалья; смѣшанный же составъ получили казаки уссурійскіе.

На Уссури казаки появились еще за годъ до приведеннаго Высочайшаго повелѣнія: 150 семей забайкальцевъ было тамъ водворено по личному распоряженію Муравьева. На слѣдующій годъ

туда же начали прибывать и *штрафованные* солдаты изъ внутреннихъ гарнизонныхъ баталіоновъ, а также новыя партіи забайкальцевъ. Прошло еще два года, и уссурійское казачье населеніе достигло цифры въ 5,000 душъ, основавшихъ 23 станицы.

Первое время уссурійскимъ казакамъ жилось еще хуже, чѣмъ амурскимъ. Особыя климатическія условія, главнымъ образомъ чрезвычайная дождливость лѣта, неумѣніе примѣниться къ этимъ условіямъ, а пожалуй и отсутствіе энергіи завершили совершеннымъ и окончательнымъ неуспѣхомъ хлѣбопашества. Недороды слѣдовали за недородами, а то, что рождалось, было весьма плохого качества. Хотя казна отчасти и пошла навстрѣчу жгучимъ нуждамъ казаковъ и выдавала имъ бесплатно нѣкоторое количество провіанта, но такія выдачи не исчерпывали потребности. По свидѣтельству Пржевальскаго, въ хлѣбъ подмѣшивали не только сѣмена сорныхъ травъ, но даже простую глину; вмѣсто чая пили такъ называемую «шульту»—настой изъ высушенныхъ гнилушекъ березы и дуба. Переселенные на новыя мѣста по жребію, поголовно чувствовавшіе къ краю враждебность, смотрѣвшіе на себя какъ на ссыльныхъ, уссурійцы, по словамъ знаменитаго путешественника, прониклись апатіей и пальца о палець не ударяли для пользованія тѣхъ естественныхъ богатствъ, которыя сами давались имъ въ руки и кои выражались главнымъ образомъ несмѣтнымъ обиліемъ рыбы и дичи. За апатіей слѣдовала нищета, за нищетою—развратъ, доходившій до торговли женами и дочерьми. Одно время боялись даже поголовнаго бунта. Но постепенно все образовалось; казаки оправились и зажили жизнью порядочныхъ людей.

Организація Амурскаго казачьяго войска завершилась въ 1860 году, когда, 1-го іюня, было Высочайше утверждено положеніе объ этомъ войскѣ.

Согласно положенію, распредѣленіе округовъ сохранилось прежнее. Казаки были обязаны имѣть въ повседневной боевой готовности два конныхъ полка, два дѣйствующихъ и два резервныхъ пѣшихъ баталіона; конные полки имѣли четырехсотенный составъ, а пѣшіе баталіоны пятиротный. Командный персоналъ комплектовался либо казачьими офицерами, либо офицерами регулярной кавалеріи; разрѣшалось имѣть и «заурядъ-офицеровъ» изъ достойныхъ урядниковъ. Въ обязанности войскового атамана—военнаго губернатора Амурской области—между прочимъ, входило заботиться, «чтобы казаки постоянно и повсюду внушали къ себѣ уваженіе туземцевъ и сосѣднихъ иностранныхъ властей и жителей; чтобы по всей границѣ поддерживалось взаимное согласіе и друж-

ба между властями и жителями обоихъ государствъ; чтобы новое казачье заселеніе края укоренилось на основаніяхъ вѣчныхъ и неизблемыхъ; чтобы казачье населеніе заботилось о развитіи въ войскѣ всѣхъ отраслей мѣстной промышленности, не упуская въ этомъ отношеніи изъ виду всего того, на что укажутъ торговья предпріятія на Амурѣ и Восточномъ океанѣ, и извлекая изъ всего пользу для края и собственнаго благосостоянія; чтобы войско разумно пользовалось правами свободной торговли и плаванія по рѣкамъ Амуру, Сунгари и Уссури». На обязанностяхъ войска лежало: а) содержаніе сообщенія по Амуру до Уссури, по Уссури и далѣе по сухопутной границѣ до моря—лѣтомъ на пароходахъ, переданныхъ войску, и на лодкахъ, а зимою, а также всегда по сухопутной границѣ, на лошадяхъ; б) охраненіе границы; в) отправленіе службы по особымъ распоряженіямъ какъ въ Амурской и Приморской областяхъ, такъ и внѣ оныхъ. Для строевого обученія, каждая изъ шести воинскихъ частей должна была сосредоточиваться въ удобныхъ мѣстахъ въ подвижные сборы на срокъ не болѣе одного мѣсяца. Казаки, кромѣ того, были обязаны заготовлять въ указанныхъ имъ пунктахъ дрова и каменный уголь для пароходовъ, для казачьихъ—безвозмездно, а для прочихъ казенныхъ—по особой цѣнѣ, устанавливаемой генераль-губернаторомъ Восточной Сибири. Ихъ же обязали заготовлять лѣсные и другіе матеріалы для постройки штабъ-квартиръ мѣстныхъ регулярныхъ войскъ. Конные казаки (распоряженіемъ артилерійскаго вѣдомства) были вооружены для боевой службы драгунскими нарѣзными ружьями, шашками, пистолетами и пиками; для службы же внутренней имъ выдали второй комплектъ ружей, гладкоствольныхъ, изъ складовъ Забайкальскаго войска. Пѣшіе казаки дѣйствующихъ баталіоновъ получили отъ артилерійскаго вѣдомства такія же нарѣзныя ружья и пистолеты, а баталіоновъ резервныхъ—кремневые ружья изъ запасовъ Забайкалья. Содержалось войско на счетъ казны (§ 144), т. е. изъ казны отпускалось жалованье, провіантъ, приварочныя деньги и проч.; казна же строила для войсковыхъ учрежденій помѣщенія (§ 173). Всѣ казаки, офицеры и нижніе чины, имѣли право на земельныя надѣлы, при чемъ величину таковыхъ на первое время рѣшено было устанавливать «общественными приговорами» соразмѣрно «съ силою и возможностью каждаго домохозяина обработать оную (землю), расчистить изъ подъ лѣса, осушить изъ подъ болотъ и обратить въ полезное хозяйственное употребленіе». Размежеваніе и разграниченіе казачьихъ земель было отложено на будущее время; указывалось

лишь, что высшему мѣстному начальству предоставляется право отводить *войску* «потребное» количество земель, а *отдѣльнымъ* казакамъ, въ пожизненную собственность: штабъ-офицеру — не болѣе 400 десятинъ, оберъ-офицеру—200, казаку—30. Буде же окажется, что кто-либо изъ казаковъ уже расчистилъ, осушилъ и обратилъ въ «полезное хозяйственное употребленіе» большее количество земли, превышающее приведенныя нормы, то всею культивированною землею казакъ можетъ пользоваться еще 40 лѣтъ. Срокъ службы для казаковъ былъ установленъ въ 30 лѣтъ: 22 года полевой службы и 8 лѣтъ внутренней.

Одновременно съ волвореніемъ въ новомъ краѣ казаковъ, воеворялись тамъ же и регулярныя войска—линейныя баталіоны—«въ подкрѣпленіе казачьей липіи». Еще въ 1856 году, при эвакуаціи Николаевска, тамъ былъ оставленъ 15-й линейный баталіонъ; лѣтомъ 1858 года 14-й линейный баталіонъ съ батареей былъ размѣщенъ у Благовѣщенска, а 13-й—у Хабаровска, близъ устья Уссури. Затѣмъ, послѣдовательно заняли баталіонами и отдѣльными командами Софійскъ, Маріинскъ, Камень-Рыболовъ, Владивостокъ, Раздольное, Новгородское, Новокіевское, Никольскъ, Анучино, Барабашъ и Славянку; отдѣльными же постами—Сучанъ, св. Ольгу, св. Владимира, Императорскую гавань и Де-Кастри.

Хотя большинство названныхъ пунктовъ, изъ числа находящихся въ Уссурійскомъ краѣ, заняли регулярными войсками уже послѣ заключенія Пекинскаго трактата, но наши войска вошли въ этотъ край еще до окончательнаго разграниченія «земель общаго пользованія» Китая и Россіи. 12-го января 1860 года графъ Муравьевъ писалъ Ковалевскому: «Я очень радъ, что въ Петербургѣ рѣшились дать мнѣ приказаніе занять правый берегъ рѣки Уссури; но, къ сожалѣнію, не могу этого теперъ исполнить, ибо это сдѣлано уже годъ тому назадъ».

Условія водворенія русскаго воинства въ дикомъ краѣ было далеко не изъ легкихъ. Вотъ какъ, приблизительно, рисуется картину устройства штабъ-квартиръ свидѣтель событій, генераль П. О. Унтербергеръ.

Въ походномъ порядкѣ приходитъ воинская часть въ назначенную для ея квартированія мѣстность. Раздается команда: «стой! ружья составь! ранцы долой!» Перекрестившись, люди приступаютъ къ устройству прикрытій отъ палящаго солнца, отъ дождя, къ устройству убогихъ шалашей. Шалаша вскорѣ замѣняются землянками; ихъ сооружаютъ тщательно—въ нихъ придется прожить годъ, а то и другой. Устроившись такимъ образомъ, выби-

раютъ мѣста для расположенія постоянныхъ казармъ; люди рассчитываются на команды по мастерствамъ, и закипаетъ работа: лѣсорубы идутъ въ лѣсъ и заготовляютъ бревна; знакомые съ кирпичнымъ дѣломъ ищутъ глину и выдѣлываютъ сырецъ; пристраиваются подъ навѣсами столяры, слесаря и кузнецы; отыскиваются мѣста съ камнемъ, пригоднымъ для обжига извести и т. д. Одновременно въ глухой тайгѣ прорубаются просѣки и устраиваются неприхотливые пути сообщенія съ ближайшими складами; ꙗвляются колодцы; проводятся дренажныя канавы. Трудомъ упорнымъ, преодолевая всякія затрудненія, борясь со стихіей, русскій воинъ создастъ свою «штабъ-квартиру», и жизнь входитъ въ нормальныя рамки ¹⁾.

Русская жизнь въ новомъ краѣ развивалась, а границы съ Китаемъ все еще не были установлены окончательно. Вопросъ о разграниченіи представлялся для насъ чрезвычайно важнымъ; интересовались тѣмъ же и мѣстныя манчжурскія власти. Еще 10 ноября 1858 г. гр. Муравьевъ-Амурскій сообщалъ канцлеру кн. Горчакову, что манчжуры не менѣе насъ заинтересованы скорѣйшимъ установленіемъ границы и что, согласно депешѣ айгунскаго амбана, они принимаютъ «за базисъ» границы системы Уссури и Суйфуна. Однако, съ своей стороны онъ находитъ желательнымъ примкнуть границу къ Корей. Въ этомъ духѣ имъ и даны соотвѣтствующія директивы особой комисіи, организованной для предварительнаго опредѣленія пограничной линіи подъ предѣлательствомъ оберъ-квартирмейстера восточно-сибирскихъ войскъ полковника Будогосскаго.

Результатомъ этого сообщенія явилось рѣшеніе отправить въ Пекинъ особое посольство, при чемъ обязанности чрезвычайнаго посланника были возложены ꙗвъ январѣ 1859 г. на свиты Его Величества генераль-маіора Николая Павловича Игнатъева.

Въ ожиданіи прибытія Игнатъева, графъ Муравьевъ-Амурскій все же не прерывалъ своихъ сношеній съ китайскими властями, съ цѣлью подготовки почвы для нашего посольства, и сношенія свои велъ черезъ русскую духовную мисію въ Пекинѣ. Одною изъ первостепенныхъ задачъ онъ считалъ скорѣйшее опредѣленіе границы на мѣстѣ путемъ соглашенія съ китайцами, опредѣленіе, хотя бы и предварительное, и посему убѣдительно просилъ Перовскаго,

¹⁾ II Полн. Собр. Зак., №№ 33,862, 33,910, 33,988, 35,857; Н. Пржевальскій. «Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ». Спб. 1870 г., стр. 31, 68, 143; П. Ф. Унтербергеръ. «Приморская область 1856—1898 гг.», Спб. 1900 г., стр. 53, 54, 250, 252; Барсуковъ, т. I, стр. 523, 524 и т. II, стр. 150, 151, 162, 185, 287.

стоявшаго во главѣ нашей мисіи, настоять на высылкѣ къ веснѣ 1859 года китайскихъ комисаровъ къ озеру Ханка, куда къ тому времени должна была собраться комисія Будогоссаго. При этомъ онъ сообщалъ ему, что Будогосскій получилъ инструкцію приступить къ работамъ даже и въ томъ случаѣ, если китайскіе комисары не прибудутъ къ назначенному сроку, поясняя эту мѣру тѣмъ соображеніемъ, что медлить намъ нельзя, ибо при проволочкѣ иностранцы не преминутъ урвать въ свою пользу часть территоріи у сѣверныхъ границъ Кореи, чтобы имѣть путь внутрь Манчжуріи. Такого же оборота дѣла гр. Муравьевъ опасался особенно.

Однако, желанною успѣшностью сношенія съ Перовскимъ не завершились. 21-го февраля гр. Муравьевъ писалъ кн. Горчакову, что китайское правительство попрежнему медлитъ и занимается бесполезной перепиской и церемоніями, а лица нашей пекинской мисіи вопроса не двигаютъ нисколько; они «трусятъ, по свойственной имъ привычкѣ» и «рѣшительно ничего не знаютъ о томъ, что нужно было бы знать».

Игнатьевъ прибылъ въ Ургу въ апрѣлѣ 1859 года. Оттуда онъ думалъ тотчасъ же направиться въ Пекинъ, но это ему не удалось: мѣстныя власти категорически отказались выдать ему пропускъ безъ разрѣшенія трибунала внѣшнихъ сношеній. Произошла задержка, и нашъ посланникъ прибылъ въ столицу имперіи богдыхана только къ лѣту.

Тѣмъ временемъ, комисія Будогоссаго достигла озера Ханка, тщетно прождала тамъ нѣкоторое время встрѣчи съ китайскими уполномоченными, а затѣмъ приступила къ самостоятельнымъ работамъ по составленію карты пограничнаго раіона и по нанесенію на нее границы, согласно указаніямъ генераль-губернатора. Карту эту Будогосскій закончилъ въ концѣ іюня уже на нароходѣ «Америка», шедшемъ подъ флагомъ графа Муравьева въ Печелійскій заливъ.

«Америка» подошла къ устью Пейхо 2-го іюля, и тутъ гр. Муравьевъ узналъ, что китайцы незадолго до того отразили надеженіе англо-французовъ и потопили нѣсколько ихъ канонерокъ. Хотя событіе это непосредственно насъ не касалось, но все же оно вызвало необходимость дѣйствовать осторожно. Разсуждая, что желтые преисполнены по случаю побѣды надъ европейцами кичливостью и заносчивостью, графъ Муравьевъ не рѣшился предъявить пекинскому трибуналу категорическихъ требованій. Онъ ограничился отправкою Будогоссаго съ картою въ Пекинъ къ Игнатьеву, а самъ спѣшно отправился на Амуръ и обосновался въ Благовѣщенскѣ. Этотъ маневръ онъ самъ назвалъ «демонстраціей» съ

цѣлью помочь Игнатьеву и до извѣстной степени въ своихъ ожиданіяхъ не ошибся. Пребываніе генераль-губернатора въ Благовѣщенскѣ сильно напугало айгунскія власти: въ Пекинѣ полетѣли изъ Айгуна представленія о томъ, что русскіе затѣваютъ что-то недоброе.

Испугъ айгунскихъ властей не отразился, однако, въ Пекинѣ въ той мѣрѣ, какъ того желалъ графъ Муравьевъ: переговоры Игнатьева съ трибуналомъ къ конечной пѣли не подвинулись ни на шагъ. Освѣдомленное объ этомъ наше правительство уполномочило гр. Муравьева занять пограничные районы и гавани въ сѣверной части Японскаго моря, первые—войсками, вторыя—военными судами. Кстати замѣчу, что въ Тихій океанъ еще въ сентябрѣ 1857 года былъ отправленъ изъ Кронштадта отрядъ военныхъ судовъ, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Кузнецова, состоявшій изъ фрегата «Аскольдъ», корветовъ «Новикъ», [«Воевода» и «Бояринъ» и клиперовъ «Пластунъ», «Джигитъ» и «Стрѣлокъ». Но, давая Муравьеву сказанныя полномочія, наша дипломатія не преминула поставить его въ крайне затруднительное положеніе: въ разрѣзъ соображеніямъ генераль-губернатора и наперекоръ его настояніямъ, настрого предписывалось, что нашу границу слѣдуетъ де проектировать отъ верховьевъ Уссури прямо на востокъ, къ морю, отнюдь не занимая бухты Посьета; только въ самомъ благопріятномъ случаѣ разрѣшалось хлопотать о границѣ по Суифуну. Этимъ карта Будогосскаго и труды его комисіи сводились къ круглому нулю, и естественно Муравьеву пришлось еще разъ принять директивы свыше къ свѣдѣнію, но не къ исполненію.

Первою мѣрою графа Муравьева было предписаніе военному губернатору Приморской области, контръ-адмиралу Казакевичу, съ открытіемъ навигаціи 1860 года, занять воинскими командами бухту Золотого Рога и запретную бухту Посьета (Новгородскую) и укрѣпить ихъ, занять двумя ротами заливъ Аниву и учредить крейсерство въ заливѣ Петра Великаго, для чего предназначить три корвета, два клипера, пароходо-фрегатъ «Америка» и два винтовыхъ транспорта. Далѣе, войскамъ, расположеннымъ по Амуру, приказано было производить, по возможности ежедневно, маневры и различныя упражненія боевого характера. Самъ гр. Муравьевъ намѣревался большую часть времени проводить при амурскихъ войскахъ. Всѣ эти приготовленія, какъ сообщалъ онъ Игнатьеву, дѣлались «не скрытно, а, напротивъ, открыто, въ виду китайцевъ и манчжуръ». Мало того: было отдано распоряженіе «распространить слухъ о вѣроятномъ движеніи нашихъ войскъ весною за границу». Письмо свое графъ Муравьевъ заканчивалъ словами: «Свѣдѣнія

объ этомъ съ разныхъ сторонъ должны достигнуть до Пекина, что я считаю полезнымъ для хода вашихъ переговоровъ».

Между тѣмъ, въ Петербургѣ было получено новое донесеніе отъ Игнатьева, въ которомъ онъ сообщалъ, что сношенія свои съ пекинскимъ трибуналомъ о границахъ, по ихъ безрезультатности, онъ прервалъ, и что наступилъ моментъ необходимости рѣшительныхъ дѣйствій: сдѣлать послѣднее предложеніе объ исполненіи китайцами условій Айгунскаго трактата, при отказѣ—ему, посланнику, покинуть Пекинъ и перевести переговоры на Амуръ, «подкрѣпляя наши домогательства понудительными мѣрами и движеніями войскъ на границахъ». При непринятіи же такой тактики, по мнѣнію Игнатьева, оставалось выжидать окончанія войны Китая съ англо-французами и воспользоваться пораженіемъ желтыхъ, воспользоваться неминуемымъ упадкомъ духа побѣжденныхъ.

Это представленіе было передано на обсужденіе Амурскаго комитета. Журналъ засѣданія комитета, происходившаго въ Высочайшемъ присутствіи, приводя его въ сжатомъ видѣ, заключался въ слѣдующемъ.

Принявъ во вниманіе, что военныя дѣйствія въ Китаѣ могутъ закончиться подъ стѣнами Пекина, комитетъ полагалъ предложить Игнатьеву направиться въ Бейтанъ и водвориться на русскомъ военномъ суднѣ, сдѣлавъ, однако, раньше послѣднее представленіе трибуналу съ предупрежденіемъ, что при отказѣ утвердить границы по картѣ Будогосскаго, доставленной китайскому правительству нашимъ посланникомъ, — «сибирскій генераль-губернаторъ сдѣлаетъ надлежащія распоряженія о приведеніи въ исполненіе Айгунскаго трактата». Если же трибуналъ пойдетъ на соглашеніе, то объявить китайскимъ министрамъ, что посланникъ «останется нѣкоторое время съ русскою эскадрою въ заливѣ Печели, чтобы въ случаѣ нужды оказать дружеское содѣйствіе въ пользу богдыхана во время переговоровъ его уполномоченныхъ съ уполномоченными союзныхъ державъ». Нынѣ же распорядиться о направленіи въ Бейтанъ военнаго судна и о сосредоточеніи всей нашей тихоокеанской эскадры въ Печели, куда направить изъ Средиземнаго моря и фрегатъ «Свѣтлану». Журналъ былъ утвержденъ Государемъ Императоромъ 12-го января 1860 года.

Освѣдомленный о такомъ рѣшеніи и полагая, что выѣздъ нашего посланника изъ Пекина будетъ понятъ китайцами какъ «угроза разрыву», графъ Муравьевъ, лѣтомъ того же года, усугубилъ свои «демонстраціи» на Амурѣ и сообщилъ айгунскому амбану, что хотя наши приготовленія и не носятъ враждебнаго ха-

рактера, но случиться можетъ все, и вина тогда падеть на китайскія власти, которыя не хотятъ утвердить доставленной имъ карты. Къ этому генераль-губернаторъ прибавлялъ, что *намъ* разграниченіе даже не нужно: «въ Айгунскомъ трактатѣ мѣста эти, впредь до разграниченія, оставлены въ общемъ владѣніи, и слѣдовательно, такъ какъ мы располагаемъ тамъ большими силами, то скорѣе люди наши могутъ захватить лишнее у нихъ, чѣмъ они у насъ». Начальнику же гарнизона Благовѣщенска генераль-губернаторъ предписалъ, въ случаѣ обнаруженія вооруженія китайцевъ у Айгуна, немедленно занять островъ противъ названнаго города одною ротой линейцевъ и установить тамъ четыре орудія.

Рѣшительныя заявленія нашего правительства и «демонстраціи» графа Муравьева въ концѣ концовъ на китайцевъ воздѣйствовали. Переговоры Игнатьева съ трибуналомъ наладились и завершились 2-го ноября 1860 года договоромъ въ Пекинѣ между нимъ и уполномоченнымъ богдыхана, «княземъ первой степени» Гун-и-синь. По Пекинскому договору, русско-китайская граница на востокъ была проведена по Амуру до Уссури, далѣе по Уссури, Сунгачѣ, черезъ озеро Ханка къ рѣчкѣ Беленхэ (Турь), отъ устья послѣдней по горному хребту къ устью р. Хубиту, оттуда по горамъ между р. Хунчунъ и моремъ до р. Тумынь-дзянь и по послѣдней до Японскаго моря. «Если бы—гласилъ договоръ—въ вышеозначенныхъ мѣстахъ оказались бы поселенія китайскихъ подданныхъ, то русское правительство обязуется оставить ихъ на тѣхъ же мѣстахъ и дозволить по прежнему заниматься рыбными и звѣриными промыслами». По границамъ была разрѣшена безошлинная мѣновая торговля. Русскимъ купцамъ было предоставлено право ѣздить изъ Кяхты въ Пекинъ и торговать въ Ургѣ и Калганѣ, однако, безъ права заводить тамъ оптовые склады. Китайскимъ купцамъ дозволено проникать въ русскія области. Наконецъ, былъ открытъ для русской торговли Кашгаръ, и подтверждено право нашихъ купцовъ торговать въ Или и Тарбагатаѣ ¹⁾.

Пекинскимъ трактатомъ завершался актъ присоединенія къ Россіи Пріамурья и Уссурийскаго края. Имъ исчерпывается и тема настоящаго очерка.

Г. Тимче, ко-Рубанъ.

¹⁾ Государ. арх., Азіат. д-тъ, № 2/37—журналы Амурскаго комитета; Морск. арх., канц., № 16,354; Инженерн. арх., инж. д-тъ, отд. I, ст. 3 № 2,—1859 г.; II Полн. Собр. Зак., № 36,459; Барсуковъ, т. I, стр. 549, 559, 560, 568—571 и т. II, стр. 205, 206, 214, 245, 261, 267, 280, 289, 291—293, 312.